

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УЧЕНЫЙ, ДЕКАН, РЕКТОР, ПРЕЗИДЕНТ
ВОСПОМИНАНИЯ
О Л. А. ВЕРБИЦКОЙ

ВЫПУСК 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ББК 84(2)
У91

Составитель д-р исторических наук проф. *А. Х. Даудов*

На обложке фото *Ю. Белинского*

ISBN 978-5-288-06071-7

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2020

Содержание

Предисловие ректора СПбГУ Н. М. Кропачева	7
<i>Зинченко Ю. П.</i> Людмила Алексеевна Вербицкая — президент Российской академии образования	9
<i>Г. Г. Богомазов</i> О человеке большой души	17
<i>Н. В. Бордовская</i> Воспоминания коллеги по Академии образования	24
<i>С. И. Дудник</i> Воспоминания о Л. А. Вербицкой	31
<i>Е. В. Ильин, Т. В. Пономарева</i> Людмила Алексеевна Вербицкая — почетный боец поискового студенческого отряда «Ингрия»	36
<i>Н. Д. Светозарова</i> Л. А. Вербицкая: начало большого пути	45
<i>Ю. В. Кривошеев</i> Человек, заслуживающий уважения. О Людмиле Алексеевне Вербицкой	49

<i>Ю. В. Наточин</i> Людмила Алексеевна Вербицкая и создание медицинского факультета в СПбГУ	55
<i>Л. А. Петросян</i> Вместе в СПбГУ	67
<i>В. Б. Касевич</i> Несколько штрихов к биографии Людмилы Алексеевны Вербицкой	75
<i>Н. В. Расков</i>	77
<i>А. Д. Ноздрачев</i> Л. А. Вербицкая: штрихи к портрету	79

Предисловие ректора СПбГУ

Н. М. Кропачева

Представленный Вашему вниманию первый сборник в серии воспоминаний о Людмиле Алексеевне Вербицкой, конечно, не может вместить в себя упоминание всех граней ее деятельности, описание ее опыта, которым она щедро делилась с учениками, коллегами, с теми, кто был с ней знаком. Уверен, что собранные в этой книге рассказы об общении с Людмилой Алексеевной откроют каждому читателю что-то интересное и неожиданное.

Я сам, хотя и работаю всю жизнь в Ленинградском, а теперь Санкт-Петербургском государственном университете, многое почерпнул из этого сборника. Это новые для меня подробности о жизни Л. А. Вербицкой и о той эпохе в истории Университета, на переломе которой она доказала, что русские женщины обладают не только острым умом, но и недюжинной духовной силой, умением вести за собой.

Не всегда мы с Людмилой Алексеевной сходились во мнениях, порой конфликтовали, но никогда эти разногласия не носили характера личных обид. Всегда и во всем она в первую очередь думала о судьбе *Alma mater*. Меня до сих пор восхищает, как ей хватало сил быть не только ректором, но и преподавать, заведовать кафедрой, активно вести общественную работу.

Из ректорского кабинета Людмила Алексеевна поднялась еще выше: как президент Российской академии образования она смогла применить свой колоссальный опыт для развития всей системы образования нашей страны. Кому-то может показаться удивительным, но даже мои нынешние научные интересы — исследования правового статуса государственного русского языка, его значения для общественных отношений — были вдохновлены именно ею. Благодаря способности Людмилы Алексеевны заряжать своим творческим оптимизмом многие ее ученики плодотворно трудятся и будут продолжать трудиться в сфере языкознания, а также в смежных областях.

Эта книга — не просто дань памяти выдающемуся человеку, но и маяк для новичков на профессиональном поприще: как обрести силу духа, способность, не подчиняясь обстоятельствам, управлять ими ради достижения значимых результатов, а также как найти свое призвание в жизни, не утратив человечности на пути достижения целей.

Во время работы над первым выпуском стало очевидно, что мы не можем ограничиться одним сборником: за прошедший год поступило много обращений от коллег, выпускников, сотрудников университета, которые спрашивали: «Можно ли написать о том, какую роль сыграла Л. А. Вербицкая в моей жизни?». Мы с удовольствием включим такие воспоминания во второй выпуск и уже направили приглашения выдающимся выпускникам, включая президента РФ В. В. Путина, заместителя председателя Совета безопасности РФ Д. А. Медведева и хотим пригласить Вас, дорогой читатель, прислать свои воспоминания о Людмиле Алексеевне на электронный адрес rector@spbu.ru.

Ю. П. Зинченко

Доктор психологических наук, профессор, академик РАО, президент Российской академии образования

Людмила Алексеевна Вербицкая — президент Российской академии образования

Людмила Алексеевна Вербицкая возглавила Российскую академию образования в конце 2013 года, в то непростое время, когда в самом разгаре была реформа государственных академий наук. К Российской академии наук уже присоединили медицинскую и сельскохозяйственную академии, продолжались споры о судьбе других отраслевых академий, в том числе и о дальнейшем статусе РАО.

Незадолго до всех последующих событий мне позвонила Людмила Алексеевна с предложением о встрече. Нужно сказать, что уже тогда, как и сейчас, я работал деканом факультета психологии МГУ имени Ломоносова и возглавлял Российское психологическое общество, а Людмила Алексеевна была президентом Санкт-Петербургского государственного университета, деканом филологического факультета СПбГУ, известным ученым-филологом и крупнейшим популяризатором русского языка. Конечно, мы знали друг друга. Мы познакомились в начале 90-х годов, когда я в качестве председателя Студенческого совета МГУ приехал со студентами в Петербург на факультет психологии СПбГУ для участия в совместном психологическом проекте. Тогда я впервые оказался в Санкт-Петербурге, проникся его духом и атмосферой университета, нашел друзей среди

универсантов — представителей петербургской (ленинградской) психологической школы. А спустя несколько лет, в 2003 году, я и сам отчасти стал петербургским универсантом: в то время, будучи проректором Московского государственного университета, я не имел права защищать докторскую диссертацию в своем вузе, поэтому защита состоялась в Санкт-Петербургском государственном университете. Тем не менее сферы наших с Людмилой Алексеевной интересов не пересекались настолько, чтобы наше знакомство могло напрямую быть связано с общим делом. Поэтому тот звонок меня немного удивил, но, как оказалось впоследствии, и определил мой профессиональный путь в области образования на ближайшие годы.

На встрече с Людмилой Алексеевной мы говорили о перспективах цифровых технологий, проблемах дошкольников, школьников и учителей и о многих других важных вещах, без которых невозможно развитие современного образования и науки. Речь зашла и о текущих преобразованиях в академической среде. Уже много лет Людмила Алексеевна была академиком Российской академии образования, а я был членом-корреспондентом, но оба мы на тот момент имели достаточно общие представления об организации работы академии. В конце нашей беседы Людмила Алексеевна поделилась со мной своим намерением баллотироваться на пост президента Российской академии образования. Эта должность была вакантной.

«Юрий Петрович, я сейчас не знаю, как ситуация будет складываться дальше. Поддержат ли меня коллеги, присоединят ли академию к РАН или случится что-то такое, чего мы совсем не можем предугадать. Но мне бы очень хотелось, чтобы мы с вами вместе поработали над будущим нашей академии. Согла-

шайтесь!» — в привычной ей оптимистично-напористой манере предложила Людмила Алексеевна.

Все, за что ни бралась эта удивительная талантливая женщина, обязательно получалось! В октябре того же года на общем собрании РАО большинством голосов Людмила Алексеевна Вербицкая была избрана президентом Российской академии образования. Спустя некоторое время удалось сохранить самостоятельность Российской Академии. Людмила Алексеевна подчеркивала: «Российская академия образования — самая важная. Без школьного образования никаких других академий быть не может». Несмотря на это, в ходе часто упоминаемой мной реформы многие научные институты РАО были переданы в ведение Министерства образования и науки, часть из них были объединены, изменили свой статус и оставались в тесной связи с академией. Наступало время непростых перемен.

Состоявшийся ученый, автор множества научных работ, великолепный преподаватель, Людмила Алексеевна безмерно любила дело, которому посвятила всю свою жизнь. Несмотря на то, что выбор профессии был обусловлен внешними обстоятельствами, она ни разу об этом не пожалела. Русский язык был для нее живым организмом, обладающим собственной энергией, саморегуляцией, способностью к развитию. Она не раз говорила, что не хватит и целой жизни, чтобы до конца изучить язык. И естественным продолжением этой любви стало создание в структуре РАО двух центров, занимающихся проблемами языкового образования — Центра русского языка и славистики и Стратегического центра развития переводческого образования в России. Кроме создания центров мы начали активно взаимодействовать с организациями, связанными с распространением

русского языка и культуры за рубежом — Фондом «Русский мир» и Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы. Под ее руководством и при самом активном участии в РАО появились научные исследования когнитивных основ изучения языка. Действительно, в Российской академии образования до прихода Людмилы Алексеевны данное направление не развивалось, как и не развивалось сотрудничество с высшими учебными заведениями. Но Людмила Алексеевна добилась не только актуализации научных исследований по вопросам русского языка, но и в целом задала вектор государственной политики в этой области, обратив внимание всех заинтересованных профессиональных и экспертных сообществ на значимость и необходимость комплексной проработки изучения русского языка и литературы для развития общества.

Академия многие годы своего существования воспринималась как научная организация, занимающаяся вопросами детства и школы. Это было вполне естественно, ведь она и создавалась как академия педагогических наук. До некоторого времени действительно академия сотрудничала только с педагогическими вузами, но мы не могли не понимать, что для развития образования необходим ресурс ведущих вузов страны. Академия заключила соглашения о сотрудничестве с рядом университетов и создала разветвленную сеть региональных центров и отделений, что послужило проведению научных исследований с привлечением ученых из регионов.

Это было лишь частью стратегии развития РАО. Людмила Алексеевна смотрела на образование гораздо шире. «Человек должен учиться всю свою жизнь от рождения до самой смерти» — это убеждение она успешно реализовывала. Ее научные

исследования не ограничились изысканиями в области русского языка. В академии проводилась и проводится научная работа по психогенетике. Людмила Алексеевна, будучи известным фонетистом, полагала, что еще до рождения, в утробе матери, ребенок должен слушать классическую музыку, классическую литературу. Поэтому неудивительно, что проводимые генетически информативные исследования раннего детства вызывали у нее живой интерес. Людмилу Алексеевну особенно интересовала регуляция экспрессии генов с помощью эпигенетических механизмов. Эти исследования показывают, что эпигенетические процессы могут являться конкретными биологическими механизмами, которые связывают средовые особенности раннего развития ребенка с его последующим психическим развитием. Разработки в данной области привели к созданию лаборатории когнитивной геномики в Центре междисциплинарных исследований в образовании РАО.

Не остались без внимания и проводимые в РАО исследования в области психологии. В 2019 году на базе РАО был создан Федеральный ресурсный центр психологической службы в системе образования, который ознаменовал начало новой истории психологического сопровождения обучающихся, повышения квалификации школьных психологов и выработки комплексных системных решений и научно обоснованных рекомендаций по развитию психологической службы в образовании. ФРЦ объединил опыт и научные наработки ведущих экспертов, практиков и ученых со всей страны и до сих пор является центральной площадкой для научного и методического сопровождения деятельности психологов образовательных организаций с учетом региональной и культурной специфики

нашей необъятной страны. В Программу развития академии до 2020 года было включено создание и оснащение высокотехнологичным оборудованием инновационного инфраструктурного комплекса «Российская научно-образовательная платформа», которая стала основой дата-центра РАО. Сейчас, во многом благодаря усилиям Людмилы Алексеевны, академия с помощью данной платформы проводит масштабное всероссийское исследование «Растем с Россией», посвященное изучению особенностей развития детей и подростков.

Не могу назвать какое-либо направление деятельности РАО, которому уделялось бы меньше внимания со стороны Людмилы Алексеевны, а таких направлений было немало: все ступени образования, начиная от дошкольного и заканчивая непрерывным образованием для взрослых, инклюзивное обучение, экспертиза федеральных государственных стандартов высшего образования, разработка концепций воспитания и преподавания русского языка и литературы, работа с министерствами и ведомствами и многое другое.

Людмиле Алексеевне было свойственно полное погружение в вопросы и проблемы, с которыми ей приходилось сталкиваться в работе и в жизни. При плотном графике и постоянных переездах и командировках она всегда находила время не только для проведения рабочих совещаний, но и для личных встреч с членами академии. Для нее было важно понимать, что происходит в той или иной области, какие задачи и решения реализуются в ходе работы над тем или иным вопросом. Такое внимательное отношение со стороны руководителя было очень ценно для коллег и подчиненных. Благодаря именно такому отношению академия получила новый виток развития и смогла стать серьезной

экспертной и исследовательской площадкой в сфере наук об образовании. Когда Людмила Алексеевна в 2018 году уже реже бывала в Москве, я, будучи вице-президентом, приезжал к ней в Санкт-Петербургский университет и домой на Петровскую набережную. С особой теплотой я вспоминаю эти встречи. Несмотря на свою болезнь, эта сильная женщина всегда живо интересовалась происходящим в академии, старалась поддержать новые идеи и проекты, спрашивала о людях и радовалась успехам. Мы много говорили о том, что уже сделано и еще предстоит сделать вместе в академии. Из-за болезни Людмила Алексеевна приняла решение не избираться на следующий президентский срок и предложила выдвинуть мою кандидатуру на очередных выборах в РАО. Пять лет вместе и рядом с Людмилой Алексеевной — это огромный жизненный, административный, но самое дорогое — человеческий (!) опыт.

У каждого в жизни есть учителя. Огромную школу мне удалось пройти под руководством выдающегося ректора Московского университета — Виктора Антоновича Садовниченко, а прожитые годы с Людмилой Алексеевной — новый «петербургский» опыт моей деятельности. За что я ей безмерно благодарен.

Сейчас в очень разных ситуациях, с которыми мне приходится сталкиваться, я всегда вспоминаю Людмилу Алексеевну и размышляю о том, как бы на моем месте поступила она. Я очень благодарен судьбе, что мне представилась возможность пусть и в течение совсем недолгого времени находиться и работать с ней рядом. Думаю, что многие люди, знакомые с Людмилой Алексеевной Вербицкой, могут сказать то же самое, ведь та любовь, мудрость и опыт, которыми она так щедро делилась с окружающими, сделали нас лучше.

*Визит королевы Елизаветы II
в СПбГУ. 1994 год*

О человеке большой души

Вспоминать о Людмиле Алексеевне Вербицкой и приятно, и горько, поскольку теперь ее нет с нами. Я не очень хорошо помню наши первые контакты, хотя и знал ее еще как члена партийного комитета университета. Она и тогда выделялась как человек активный, деятельный и ответственный. Более тесные контакты начались в начале 80-х годов прошлого века, когда в 1984 году она стала проректором по учебной работе, затем первым проректором, а я тогда в течение нескольких лет был заместителем председателя Комитета народного контроля университета. Председателем Комитета была профессор юридического факультета Лидия Александровна Николаева, хозяйственную деятельность университета курировал Анатолий Александрович Собчак. Работали, естественно, в контакте с администрацией университета и в основном с Людмилой Алексеевной прежде всего потому, что у нее всегда можно было найти понимание и поддержку. И все, даже весьма сложные, в том числе и кадровые вопросы всегда решались неформально, спокойно и справедливо. Вот тогда-то у меня и зародилось глубокое чувство уважения и доверия к Людмиле Алексеевне. Прежде всего я увидел в ней человека душевного, уважающего чувства и мнения окружающих. В то же время она всегда имела свое собственное и умела весьма деликатно, но твердо его отстаивать. Я это наблюдал и в дальнейшем, когда она, уже будучи

ректором, вела, например, заседания ученого совета университета или проводила какие-то другие мероприятия.

На университет возложены разнообразные и весьма ответственные задачи и функции. Это очень сложная и громоздкая система с огромными материальными ценностями, со сложным и неоднородным коллективом, ректору приходится общаться и с академиками, профессорами, и с простыми рабочими. И к каждому нужен свой подход, а ситуации случаются разные, и бывает так, что приходится «помочь» человеку взять себя в руки, и Людмила Алексеевна умела это делать очень деликатно и успешно. Уже будучи ректором, она как-то сказала мне, что у нее три основных принципа в работе — ректор отвечает за все, он должен помогать в работе и не мешать работать.

Основной период наших довольно тесных и добрых отношений — это, как принято ныне говорить, «лихие 90-е» и последующие годы вплоть до ухода Людмилы Алексеевны из жизни. Мы были с ней одногодками, жили в одно и то же время, оба родились в Ленинграде, практически всю жизнь были связаны с нашим университетом и потому, как мне кажется, хорошо понимали друг друга.

В 1994 году Людмила Алексеевна стала ректором нашего университета, а я в этом же году был избран деканом экономического факультета. И мы, естественно, стали общаться довольно часто. Положение в системе образования в то время стало почти катастрофическим. Государственного финансирования не было почти никакого, разве что символические стипендии студентам и аспирантам, да мизерные, и еще с задержками, зарплаты преподавателям. В высшей школе начался отток наиболее талантливой и перспективной части преподавательского состава.

ва. Кто-то подался в бизнес, а кто и вовсе за рубеж. Встала реальная задача сохранения университета. А университет — это прежде всего кадры. Выход в значительной степени был найден в том, чтобы удовлетворить возникший спрос на новые знания, необходимые в изменяющихся условиях жизни общества. И университет начал самостоятельно зарабатывать деньги. На ряде факультетов были открыты так называемые специальные факультеты, которые на платной основе давали желающим, а их было много, второе и даже третье образование. И Людмила Алексеевна не только поддержала это начинание, но была одним из основных его инициаторов. Заработанные средства частично шли на то, чтобы заинтересовать факультеты в этой работе и у них появились собственные субсчета. Другая часть средств поступала в бюджет университета. Надо отдать должное факультетам: имеющиеся у них средства не проедали, а тратили в основном на ремонт аудиторного фонда и развитие технического обеспечения учебного процесса.

Одновременно Людмила Алексеевна начала упорную работу с правительством страны, с Министерством высшего и среднего специального образования, с Министерством финансов с тем, чтобы получать хоть какое-то дополнительное финансирование. Она неоднократно добивалась приема у В. С. Черномырдина, который был тогда премьер-министром, встречалась с президентом Б. Н. Ельциным. И это давало свои результаты. Какие-то средства удавалось получать, во всяком случае заработную плату сотрудникам стали платить регулярно. Помогало и то, что в декабре 1991 года не без усилий в том числе и Людмилы Алексеевны Санкт-Петербургский университет был включен в реестр объектов национального достояния России. Это заметно

повысило престиж университета и увеличило фонд заработной платы профессорско-преподавательского состава.

Думается, что наладить контакт и добиваться результатов во взаимодействии с государственными органами удавалось не только благодаря упорству Людмилы Алексеевны, но и благодаря ее обаянию, умению находить к людям подход, убеждать в обоснованности своих обращений. Никто не станет отрицать, что Людмила Алексеевна была весьма эффективной женщиной, всегда следила за собой, всегда была хорошо причесана, хорошо одевалась и умела располагать к себе людей.

И мало тогда кто знал, что за этим внешним благополучием скрывается трудная судьба человека, у которого по существу было отнято детство, которого навсегда лишили отца, объявив «врагом народа», и на многие годы — матери, отправленной в трудовой лагерь, а ее саму 13-летней девочкой отвезли в детскую трудовую воспитательную колонию, где она провела более трех лет. Можно только поражаться тому, как она сохранила себя как личность, как сохранила жизненные силы и добрые устремления на будущее. Эти и другие факты из ее жизни Людмила Алексеевна, хоть и кратко, ведь это действительно малоприятные воспоминания, но рассказывала при наших и деловых, и дружеских встречах. А такие встречи, хотя и немногочисленные, у нас бывали. Мы неоднократно ходили с ней посидеть и пообедать в близлежащие кафе и ресторан «Град Петров». При этом однажды произошел следующий казус. Мы договорились в определенный день и час отвлечься от всех дел, встретиться и пойти в ресторан. На Невском проспекте я купил букет цветов, сел в троллейбус и поехал в университет. В руках у меня кроме цветов была еще сумка с документами, какими-то бума-

гами и кошельком. Это было днем, народу было немного, и тем не менее вокруг меня на площадке сконцентрировались три молодых человека. Я, правда, обратил внимание на то, что один из них ведет себя несколько беспокойно, но выводов никаких не сделал. Компания эта покинула троллейбус возле Кунсткамеры, а я — на следующей остановке. Зашел за Людмилой Алексеевной, вручил цветы, она надела пальто, и мы вышли на улицу. И тут я случайно обнаружил, что сумка моя открыта и кошелек нет, а там были и деньги, и банковская карта. Идти дальше было бессмысленно. Людмила Алексеевна предложила вернуться в ее кабинет и там посидеть и попить чаю. Так мы и сделали.

Основную часть информации о жизненном пути Людмилы Алексеевны я получил из ее книги «Мой Петербург», изданной в 2006 году, которую сегодня трудно читать без волнения и печали. Она мне ее вручила лично с такой трогательной дарственной надписью: «Дорогому Геннадию Григорьевичу с искренней симпатией и самыми добрыми пожеланиями».

В настоящее время, подготавливая эти воспоминания, я вновь перечитал эту книгу. Местами ее без содрогания читать не получается. Это свидетельство мучительной эпохи, пережитой целым поколением нашей страны, на конкретном примере отдельной семьи. Это очень искренняя исповедь о жизни, обремененной тяжкими испытаниями, жизни, прожитой при этом достойно и плодотворно. Пройдя через эти испытания, Людмила Алексеевна, как и многие другие люди ее судьбы, не ожесточилась, но научилась преодолевать жизненные трудности, понимать и ценить добро, справедливость и верить в людей. Даже в самые трудные годы жизни на ее пути встречались добрые и порядочные люди. Поэтому-то одними из основных ее качеств

были доброжелательность по отношению к людям, уважение к коллегам по работе, любовь к своей семье, мужу, которого она, к великому сожалению, потеряла довольно рано, своим дочерям, единственному внуку, в котором она буквально души не чаяла. К счастью, и дети, и внук оправдали надежды Людмилы Алексеевны. Все они получили хорошее образование, защитили кандидатские диссертации и успешно работают. Особенно в последние годы ее жизни дети и родная сестра, доктор медицинских наук, профессор, блестящий хирург-флеболог Наталья Алексеевна Бубнова, были для Людмилы Алексеевны большой опорой, она постоянно ощущала их любовь и поддержку. Об этом она неоднократно говорила в наших беседах.

Одним из больших достоинств Людмилы Алексеевны являлось ее виртуозное владение русским языком, как устным, так и письменным. Понятно, что она была специалистом-филологом. Ее докторская диссертация написана на тему «Современное русское литературное произношение». Но одно дело теория, другое — практика. Они не всегда сочетаются. У Людмилы Алексеевны они находились в органическом единстве. Я помню, что, общаясь с нею, я всегда испытывал некоторое напряжение и строго следил за своей речью, дабы не предстать каким-нибудь сельским конюхом.

Она по-настоящему любила русский язык, понимала его огромное значение как важнейшего элемента общенациональной культуры и национальной идентификации общества в целом и каждого отдельного человека в частности. Отсюда происходит ее колоссальная работа по защите и сохранению родного языка, в том числе и на международном уровне.

За свою жизнь Людмила Алексеевна успела сделать очень многое. Это было служение науке и людям. Она словно спешила не просто максимально реализовать себя, но сделать как можно больше важного и полезного и для своей семьи, и для родного университета, которым буквально жила, и даже, если хотите, для страны. Реальное свидетельство тому — ее активная работа в университете: заведующая кафедрой, ректор, а затем декан филологического факультета и первый президент университета. Одновременно она была членом многих общественных организаций, союзов и советов, в том числе и международных, а в последние годы еще и президентом Российской академии образования.

Ее научный авторитет и заслуги в области развития российского образования и национальной культуры отмечены множеством правительственных наград, в том числе и зарубежных. Она являлась почетным гражданином своего родного города — Санкт-Петербурга, почетным доктором ряда отечественных и зарубежных вузов, почетным профессором родного Санкт-Петербургского университета. Имя Людмилы Алексеевны Вербицкой присвоено одной из планет космического пространства.

Людмила Алексеевна писала: «Я хочу вам сказать, что в жизни нашей, каждого из нас, главное — люди, прекрасные люди, которые встречаются в нашей жизни». Таким прекрасным человеком в моей жизни была сама Людмила Алексеевна Вербицкая.

Воспоминания коллеги по Академии образования

Имя Л. А. Вербицкой было на слуху научно-педагогической общественности как первой женщины-ректора Санкт-Петербургского государственного университета задолго до нашей встречи. Личное знакомство стоялось в Северо-Западном отделении Российской академии образования, и поэтому мои первые воспоминания о Людмиле Алексеевне Вербицкой относятся к 1994–1997 годам.

Судьба свела меня с академиком Л. А. Вербицкой в то время, когда я работала заместителем председателя Северо-Западного отделения РАО, членом которого также была и Людмила Алексеевна. Перестройка всей страны, безусловно, затронула и Российскую академию образования, в структуре которой так же, как и в РАН, появились региональные отделения. Создание в Российской академии образования регионального отделения — дело было новое, требовало определения особого содержания и форм работы, установления контактов и расширения связей в рамках созданной новой комплексной научной программы «Образование и культура Северо-Запада России». А Людмила Алексеевна на этапе становления регионального отделения была одним из самых активных ее участников и вдохновителем новых инициатив. В частности, именно Людмила Алексеевна была инициатором проведения Академических чтений в Северо-За-

падном регионе, которые привлекли внимание, интерес и активное участие ученых всего региона, а Санкт-Петербургский университет стал первым спонсором и базой их проведения. Более десяти лет при ежегодно обновляемой тематике Академические чтения объединяли усилия ученых и практиков в поиске эффективных и новых путей решения самых актуальных проблем развития школьного и высшего образования, психологического сопровождения обучающихся и решения проблем инклюзии. Северо-Западное отделение было не только одним из самых многочисленных, но и самым представительным по составу. Вместе с председателем, академиком Г. А. Бордовским, и другими известными членами академии Людмила Алексеевна активно включилась в разработку и реализацию региональной научной программы, выпуск «Вестника СЗО РАО», проведение конкурсов молодых ученых региона и других научных мероприятий, направленных на консолидацию педагогов Карельского края, Пскова и Вологды, Череповца и Новгорода, Сыктывкара и Архангельска по реформированию отечественного образования.

Незабываемы выступления Людмилы Алексеевны на собраниях Российской академии образования в защиту русского языка. В эти минуты она была не только красноречива, но и убедительна своими примерами и конкретными фактами из жизни, школьной и вузовской практики. Ее всегда слушали с большим вниманием, ведь Людмила Алексеевна сама демонстрировала нам блестящий пример красоты и изящества русской словесности.

Помню одну из первых наших совместных с Людмилой Алексеевной поездок в Череповец для организации научной

конференции под эгидой СЗО РАО и проведения выездного заседания бюро нашего отделения. Мы вместе ехали в поезде, жили в одном номере в местной гостинице и традиционно для российских выездных мероприятий встречались вечерами с другими коллегами. Общались весело и за полночь. Именно эти вечера позволили запомнить мне Людмилу Алексеевну веселой, обаятельной, с тонким юмором, удивительно простым и радужным человеком, несмотря на свое высокое положение ректора ведущего российского университета. Так сложилось, что и в дальнейшие годы я довольно часто общалась с Людмилой Алексеевной и в нашем академическом отделении, и на нашей даче, и в кругу друзей нашей семьи. Оно сопровождалось интересными дружескими беседами, обменом мнениями по важнейшим научным и образовательным проблемам, вопросами и советами, дискуссиями и веселым застольем, шутками, анекдотами и любимыми песнями. Людмила Алексеевна заразительно смеялась и всегда радовала своим громким, красивым и хорошо поставленным голосом, новыми речевыми байками и историями. Незабываемые встречи блистательных интеллектуалов, генераторов новых идей и проектов!

Запомнился еще один эпизод: для очередного издания «Вестника Северо-Западного отделения» я, будучи инициатором его создания и главным редактором, очередной раз искала возможность финансовой поддержки для его выпуска (РАО не выделяла на это средств!). Свидетелем обсуждения этой проблемы была Людмила Алексеевна, и она сама предложила помощь силами Санкт-Петербургского университета, который на тот момент уже был ассоциированным членом Северо-Западного отделения РАО. Ее искренне волновала судьба российской на-

уки и отечественного образования. Людмила Алексеевна была активным защитником всех начинаний нашего регионального отделения. Такую щедрость ее души, внимание к моей судьбе и заботу я чувствовала все годы и в последующем — когда уже стала профессором, а затем и заведующим кафедрой Санкт-Петербургского университета. Вероятно благодаря нашему тесному и плодотворному сотрудничеству в рамках СЗО РАО Людмила Алексеевна пригласила меня в Санкт-Петербургский университет на вновь создаваемую кафедру — психологии и педагогики личностного и профессионального развития. Вхождение русиста Людмилы Алексеевны в ряды Российской академии образования, безусловно, способствовало развитию психолого-педагогического направления и в Петербургском университете. Так в начале 2000-х годов в университете появились докторантура и новая специальность в аспирантуре, заработали диссертационные советы по педагогическим наукам. Я благодарна ей за возможность развития этого направления в нашем университете и содействие в реализации совместных замыслов.

Хотелось бы особо отметить искренний интерес Людмилы Алексеевны к работе и развитию моей кафедры. Ведь такая, по сути, общеуниверситетская кафедра, преподаватели которой читают курсы по психологическим и педагогическим дисциплинам на всех факультетах и во всех институтах университета, существенно отличается от традиционной для классического университета своими проблемами. При любой нашей встрече Людмила Алексеевна стимулировала меня к обсуждению кафедральных дел и тех проблем, которые возникали при создании новой для университета магистерской образовательной программы «Психология образования», дополнительной образовательной

программы «Преподаватель высшей школы», вопросов развития психолого-педагогических исследований, активно поддерживаемых как университетом, так и научными фондами, такими как РГНФ, РФФИ, выпуска наших монографий, учебников и учебных пособий; находила время встретиться с директором базовой для кафедры гимназии «Альма Матер», поддержала работу всероссийского методологического семинара по педагогическим наукам и семинара по проблемам современных образовательных технологий в вузе (по результатам которого было подготовлено учебное пособие «Современные образовательные технологии». М.: Кнорус, 2010).

Для меня с именем Людмилы Алексеевны Вербицкой связано еще несколько обстоятельств. Одно из них может показаться сугубо личным, малозначительным, но, поверьте, оно существенно для моей университетской жизни в прошедшие 20 лет и в настоящее время. Помню, как на всех академических мероприятиях я чувствовала, что Людмила Алексеевна внимательно меня слушает, и от этого я еще больше волновалась. Позже я поняла, что она присматривается ко мне, а когда я перешла в университет и стала уже заведовать кафедрой, она через своего проректора И. В. Мурина предложила мне новую административную должность — заведующего учебно-методическим отделом всего университета. Это была большая честь и огромное доверие! Я никогда не обсуждала с Людмилой Алексеевной эту ситуацию, и она, в силу свойственной ей деликатности, не напоминала о ней, но сейчас я хочу покаяться — мне, конечно, хотелось работать *рядом* с уникальной женщиной, которой я всегда восхищалась и гордилась знакомством, но в силу моей склонности и большого интереса к научно-педагогической ра-

боте я переосмыслила свое решение. Вероятно, своим отказом я огорчила Людмилу Алексеевну, и она больше никогда не обсуждала со мной вопроса о моем карьерном росте в университете, а отношения оставались по-прежнему добрыми и доверительными.

Меня радовало, что Людмила Алексеевна обладала незаурядной смелостью. Так, на вершине своей научной (академик РАО) и административной карьеры (президент СПбГУ) она снова проявила себя нестандартно — возглавила РАО в статусе президента в непростые годы ее структурного и финансового преобразования, сокращения и изменения юридического статуса академических институтов (они попали под управление Министерства науки и образования). Надо было снова найти в себе силы выйти на решение новых государственных задач. Не могу в связи с этим не остановиться на одном важном качестве Людмилы Алексеевны, определившем всю ее многогранную деятельность, — на любви к Родине. Она был патриотом в лучшем смысле этого слова. И, в частности, понимая как никто другой значение науки не только в устройстве и развитии современного мира, но и в обновлении и развитии современного образования, она проявила себя блестящим организатором научной деятельности в период работы в академии. Это удивительная личность с потрясающей энергией и смелостью в борьбе за отстаивание интересов и самостоятельность ученых, посвятивших свою жизнь делу развития отечественного образования, покорила сердца своих соратников и придала нам, членам академии, надежду и уверенность в защите интересов РАО, за что выражаю признательность от всех своих коллег. Мне представляется, что высокая культура и необыкновенные способности организатора,

а также авторитет среди академического сообщества и государственной элиты, помогали Людмиле Алексеевне в преодолении многочисленных и серьезных трудностей на этом пути.

Когда я думаю о Людмиле Алексеевне, меня восхищает масштаб ее интересов и разносторонность деятельности, неистовство стремлений и желаний, отсутствие боязни в своих начинаниях и презрение к мелочам. И в тоже время патриотизм и мудрость сочетались у Людмилы Алексеевны с большой преданностью университету, своим студентам и коллегам. Я помню, как в общении она всегда с гордостью рассказывала, что, будучи ректором, продолжает читать лекции студентам своего родного филфака и получает от этого огромное удовольствие.

Такие великие женщины, как Людмила Алексеевна Вербицкая, рождаются не часто и составляют «соль нации», славу науки и создают образ своей эпохи.

Воспоминания о Л. А. Вербицкой

Трудно писать о человеке, который, казалось, будет жить если не вечно, то еще очень долго. Общение с Людмилой Алексеевной оставило самое светлое впечатление. Своей добротой и душевностью она сразу располагала к себе. Ее служебные решения были справедливыми и выражались в такой форме, которая была уважительной и толерантной. Людмила Алексеевна повлияла на жизнь и существование философского факультета и его сотрудников в непростое время. Высоко оценивая проект Петра о создании университета, академии и гимназии, она не забывала напоминать, что философский факультет был в числе первых. Возможно, ее положительное отношение к философии определялось еще и тем, что любовь к мудрости и любовь к слову, по сути, близки друг к другу.

Людмила Алексеевна стала ректором Санкт-Петербургского университета в 1993 году. Это было непростое время, когда задерживали зарплату, наука не финансировалась, институты влачили жалкое существование, а сотрудники проходили по конкурсу на 0,1 ставки. Именно так сохранялись научные кадры. И этот неимоверно тяжелый груз взвалила на себя женщина, да еще и гуманитарий. Она использовала все свои энергию и влияние, в результате чего университет фактически избежал задержек зарплат, отключения тепло- и электроснабжения и продолжал эффективно функционировать.

Вследствие сокращения финансирования научных исследований тяжелее всего было естественнонаучным факультетам, особенно научно-исследовательским институтам. Но не легче было и гуманитарным факультетам. Ряд специальностей считались идеологическими: марксистско-ленинская философия, научный коммунизм, юриспруденция, история КПСС, политическая экономия. Поступление на эти специальности допускалось только при наличии направлений: для Москвы и Ленинграда — райкомов КПСС, для иных регионов — обкомов КПСС, для союзных республик — ЦК союзных республик, для демобилизованных из рядов Советской армии нужны были направления политотделов. Августовский путч 1991 года все изменил. КПСС и ВЛКСМ были запрещены. Радикально должна была поменяться вся структура так называемых идеологических факультетов. Еще прежний ректор университета Станислав Петрович Меркурьев посещал общие собрания профессорско-преподавательского состава и предупреждал, что такие факультеты, в первую очередь философский, должны измениться коренным образом или у них не будет будущего.

Непростая работа по реформированию факультетов и кафедр проходила в период с 1993 года, когда ректором стала Людмила Алексеевна, сначала как и. о. ректора, а затем, после выборов, и без приставки. Справедливости ради надо отметить, что Людмила Алексеевна окунулась в работу по реформированию факультетов и кафедр, имея опыт руководителя университетского уровня, поскольку несколько лет до этого она исполняла обязанности проректора по учебной работе и первого проректора. Нам всем очень повезло, поскольку деятельность Людмилы Алексеевны характеризовали, прежде всего, доброжелатель-

ность и тактичность. Самое главное — нас не торопили в таком сложном деле как придание философскому факультету нового современного облика.

На философском факультете последовательно были упразднены кафедры теории научного коммунизма, научного коммунизма для естественных факультетов, диалектического материализма, исторического материализма, критики современной буржуазной философии и социологии, научного атеизма, марксистско-ленинской этики и эстетики, кафедры философии для естественных и гуманитарных факультетов. Были радикально преобразованы существующие кафедры, открыты новые специальности и направления подготовки, организован целый ряд новых кафедр. Вот их названия: онтологии и теории познания, социальной философии и философии истории, философской антропологии, философии науки и техники, истории русской философии, философии религии и религиоведения.

Были открыты новые образовательные программы, а вслед за ними появились и кафедры. Это политология и кафедра политологии, кафедра политических институтов и прикладных политических исследований, кафедра политических реформ России, кафедра международных политических процессов. Министерством образования и науки была введена подготовка по культурологии, появились кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, были открыты направление «Прикладная этика» и кафедра этики, кафедра еврейской культуры и кафедра философии и культурологии Востока; наконец, в столице музеев были открыты кафедра музейного дела и охраны памятников и направление подготовки «Музеология», а кафедру возглавил М.Б.Пиотровский. В 1999 году были открыты направление

подготовки «Конфликтология» и кафедры конфликтологии. Во всех этих преобразованиях на философском факультете самое активное, деятельное и внимательное участие принимала Людмила Алексеевна Вербицкая.

Начало 1990-х годов характеризуется еще одним важным почином. Активно начинали развиваться платные формы обучения как по основным, так и по дополнительным образовательным программам. Ранее они существовали только на специальном юридическом и специальном психологическом факультетах. На этом этапе своими советами неоценимую и своевременную помощь философам оказал декан специального юридического факультета Николай Михайлович Кропачев, как правильно и на правовой основе организовать дело.

Благодаря Людмиле Алексеевне как авторитетному руководителю в системе высшей школы Российской Федерации в преддверии 275-летия университета было принято Постановление Правительства РФ от 1 ноября 1997 года № 1379 «О Санкт-Петербургском государственном университете». Кроме всего прочего, это Постановление устанавливало для СПбГУ соотношение «студент — преподаватель» 4:1, что дало огромные возможности для кадровых преобразований на факультетах.

Людмила Алексеевна запомнилась нам как прекрасный человек, как ученый мирового уровня, как выдающийся администратор — ректор университета. Людмила Алексеевна запомнилась как искренняя, энергичная, всегда элегантная женщина. Она занималась йогой и не скрывала, что это помогало ей сохранять форму и управлять собой. Как лингвист и ученый она была чрезвычайно предана своей профессии — русскому языку — и всегда взыскательно относилась к речи собеседников, мечта-

ла, чтобы люди всегда говорили правильно, по-петербургски. Как администратор она была весьма демократична, не избегала и поощряла дискуссии, но была тверда и верна своим убеждениям. Студентов она любила и, несмотря на занятость, увлеченно вела занятия со студентами своей любимой кафедры — общего языкознания, которой заведовала много лет.

Как образец мудрой Женщины, талантливого Учителя и эффективного Руководителя Людмила Алексеевна Вербицкая навсегда останется в наших воспоминаниях.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах, Институт истории СПбГУ

*Е. В. Ильин,
Т. В. Пономарева*

Людмила Алексеевна Вербицкая — почетный боец поискового студенческого отряда «Ингрия»

На рубеже тысячелетий в Санкт-Петербургском университете был образован студенческий поисковый отряд «Ингрия», главным делом которого стал поиск погибших защитников Ленинграда. Безудержная энергия молодости позволила отряду почти два года самостоятельно вести поиск, но без поддержки университета эта инициатива могла умереть в силу неразрешимости ряда вопросов. Надо было срочно «спасти» начатое дело.

4 июня 2002 года командир отряда Евгений Васильевич Ильин и председатель Совета ветеранов университета Иннокентий Павлович Зиновьев были приняты ректором университета Людмилой Алексеевной Вербицкой. Эта встреча мне хорошо памятна, прежде всего теми доброжелательностью и вниманием, с которыми мы были выслушаны. Конечно, я волновался и боялся получить отказ с формулировкой, что дело студента учиться, а не копать в земле, особенно когда это связано с риском для жизни. К подобным мнениям за два года хождения по коридорам власти я уже привык. К счастью, я ошибся. За время моего пятиминутного выступления Людмила Алексеевна

«схватила» суть и историко-государственную важность поднятой проблемы, обещала поддержать нашу инициативу. Здесь же решился один из главных вопросов — финансовый. На проведение экспедиции я просил выделять по 5 тыс. рублей. Ректор посмотрела на меня несколько удивленно, выразила сомнение, что можно уложиться в эту сумму, и предложила 10 тыс. рублей. Я несколько растерялся, но Иннокентий Павлович, сидевший рядом, сказал: «Женя, бери десять, это больше, чем пять». Тогда же удалось решить и транспортные проблемы. Эта встреча стала переломной в жизни отряда, позволила твердо встать на ноги, расширить масштабы его деятельности.

В конце разговора мы пригласили Людмилу Алексеевну приехать на шестую Вахту Памяти, которая проводилась на Невском пятачке. Признаюсь, на приезд ректора, зная объем ее работы, особо не надеялся, но Людмила Алексеевна приехала 9 июля. Об этом мы узнали буквально накануне. Вместе с ней прибыли первый проректор Игорь Васильевич Мурин, Иннокентий Павлович Зиновьев. Гости возложили цветы к памятнику погибшим защитникам Ленинграда, а потом мы отправились на место проведения поисковых работ. На этой Вахте Памяти объект наших исследований находился под капитально поставленным дорожным транспарантом «Слава героям Невского пятачка!». Как раз под ним мы обнаружили траншею, которая оказалась «забита» останками погибших красноармейцев. Кости скелетов погибших воинов, саперные лопатки, противогазы, остатки обуви и амуниции и прочее производили угнетающее впечатление. Людмила Алексеевна заплакала. Я сделал вид, что ничего не вижу... У нас часто плачут, плачут от того, что нашли бойца, от найденного медальона, от потрясения, через которое

проходят новички — поисковики и приезжие гости. Ведь нам так долго говорили, что все погибшие защитники Отечества с соответствующими воинскими почестями давно погребены на воинских мемориалах. Действительность оказалась позорной для наследников Победы.

Время шло к обеду, и мы пригласили гостей к столу. Перед этим они осмотрели лагерь; думаю, его спартанская обстановка произвела сильное впечатление. Отрядные повара постарались блеснуть своими кулинарными способностями, и в целом это удалось. Правда, до «бриллиантового десятилетия» Татьяны Витальевны Пономаревой, доцента кафедры немецкой филологии, которое началось через несколько лет, им было далеко. Разнообразие первых блюд — борщей и щей, вторых блюд — с невероятно вкусными котлетками, блинчиками, тефтелями и т. д. и компотов с морсами Татьяны Витальевны было хорошо известно всем гостям отряда, а также работникам полиции, которые нередко заезжали к нам, чтобы отведать ее кулинарных изысков. Людмила Алексеевна привезла с собой и гостинцы: десятка два бутербродов и несколько пакетов сока. Бойцы отряда подходили ко мне и спрашивали, когда мы примемся за эти богатства. Когда была отдана соответствующая команда, все эти «вкусняшки» моментально исчезли. Улыбаясь, Людмила Алексеевна, сказала, что она не рассчитывала на такой аппетит и в следующий раз исправит этот недосмотр.

После обеда завязалась беседа студентов с ректором. Людмила Алексеевна, как никто другой, умела обойти протокольный характер разговора, где руководителю задаются «удобные» вопросы. Она сразу попросила задавать все вопросы, связанные

с жизнью университета, ее интересовало буквально все. Студенты справились с этой задачей: работа деканатов, библиотеки, проживание в общежитии, стипендии и др. Вопросы об этом позволили высветить ряд проблем.

В конце ноября после завершения поискового сезона, как и обещала Людмила Алексеевна, в университете состоялась встреча с бойцами отряда. На ней были подведены итоги поисковых работ в 2002 г., награждены наиболее отличившиеся студенты. С этого времени такие встречи с ректором стали постоянными и проводились в течение всего времени, пока Людмила Алексеевна оставалась ректором университета, и, главное — их очень ждали студенты.

Год спустя, 28 августа 2003 г., Людмила Алексеевна Вербицкая, проректор Людмила Петровна Громова и Иннокентий Павлович Зиновьев приехали к нам в гости на Вахту Памяти, которая проходила в «Роце Круглой», одном из кровавых мест в битве за Ленинград. Скупые строки «Журнала поиска», ведущегося с самых первых дней существования отряда, сохранили настроение ожидания приезда ректора на Вахту Памяти: «Идет дождь, он начался в 3:00 и продолжается без перерыва уже 7 часов. Готовимся к приезду ректора. В 9:50 отправился на мемориал “Синявинские высоты” встречать гостей. Идет дождь. Пришлось надеть химзащиту, идти в ней тяжело... Дорога залита водой, как мы по ней поедem, неизвестно. А может, она не приедет? Людмила Алексеевна приехала к назначенному времени. Сели в джип и тронулись в обратном направлении. Идет дождь, переходящий в ливень. Шестикилометровый участок по этой разбитой дороге мы ехали час. Чудо и мастерство водителя не

В конце ноября после завершения поискового сезона, как и обещала Людмила Алексеевна, в университете состоялась встреча с бойцами отряда. На ней были подведены итоги поисковых работ в 2002 г., награждены наиболее отличившиеся студенты.

28 августа 2003 г.
Людмила Алексеевна Вербицкая,
проректор Людмила Петровна
Громова и Иннокентий
Павлович Зиновьев приехали
к нам в гости на Вахту Памяти,
которая проходила в «Роще
Круглой», одном из кровавых
мест в битве за Ленинград.

дали нам застрять в какой-либо яме. Дождь лил не переставая». Людмила Алексеевна, одетая в серебристый плащ, оставалась невозмутимой и в этой ситуации.

Гости отведали наш обед из даров природы: грибной суп, брусничный компот, другие изобретения кулинаров. Осмотрели лагерь, тонущий в воде. Для них была проведена короткая экскурсия по местам боев, происходивших здесь. Беседа ректора с бойцами отряда продолжалась свыше двух часов.

Третья встреча на Вахте Памяти, к сожалению, не состоялась. 5 июля 2004 года Людмила Алексеевна собиралась в очередной раз приехать к нам на Вахту, в последний момент срочные дела заставили ее отменить поездку.

Помощь ректора, ее личное участие в жизни отряда способствовали расширению фронта нашей деятельности. В 2003 году на историческом факультете был создан Центр по изучению военной истории, составной структурой которого стал отряд «Ингрия». Это позволило нам расширить масштабы работы военно-патриотической направленности. 19 декабря 2003 года Людмила Алексеевна открыла на историческом факультете музей поискового отряда «Ингрия», основу которого составили находки, обнаруженные в ходе поисковых работ.

Доброжелательное отношение Людмилы Алексеевны к отряду «Ингрия», ее помощь и неподдельный интерес к нестандартному студенческому движению, присутствие на каждой открывающейся выставке становились традиционными. Как правило, она открывала выставки отряда, проводившиеся в стенах университета. На них ректор обязательно приглашала членов ученого совета, сотрудников ректората. В случае невозможно-

сти ее личного участия в мероприятии сюда направлялся один из проректоров университета.

Помощь и внимание ректора к жизни и деятельности отряда не были эпизодическими, носили постоянный характер. Так, по ее просьбе командование Ленинградского военного округа выделило нам 20 комплектов полевой формы, что позволило одеть членов отряда в добротную и удобную для поиска одежду. По ее ходатайству несколько бойцов отряда обучались в воинской части по саперному делу, успешно сдали экзамены, получили соответствующие удостоверения. Помнила Людмила Алексеевна и об отдыхе студенческой братии: в течение нескольких лет бойцы отряда, сдав зимнюю сессию, отправлялись на зимнюю базу отдыха университета. Ее внимание распространялось и на отдельных бойцов отряда, многих из которых она знала по имени.

Став президентом университета, Людмила Алексеевна продолжала интересоваться нашей деятельностью. Когда мы пришли поздравить Людмилу Алексеевну с ее 80-летним юбилеем, она живо интересовалась актуальной работой отряда, расспрашивала о наших новых находках и проблемах, пыталась помочь и реально помогла в тот же день решить проблему с Газпромом, который не желал изменять прохождение газовой трубы через воинское захоронение в пос. Колтуши.

Она искренне удивила нас своей прекрасной памятью, когда спросила, сколько еще бойцов было обнаружено за то время, когда она уже отошла от дел ректора, назвав цифры трехлетней давности, и радовалась тому, сколько еще бойцов удалось обнаружить отряду за последнее время, вернуть многим семьям

из небытия их отцов и дедов, пропавших без вести при обороне Ленинграда.

В Уставе поискового отряда «Ингрия» зафиксировано звание «Почетный боец отряда», присуждаемое за особые заслуги в деле сохранения памяти погибших при защите Отечества. Такое звание за 20-летнюю историю отряда было присвоено шестерым. Но удостоверение почетного бойца № 1 по праву принадлежит Людмиле Алексеевне Вербицкой.

Н. Д. Светозарова

Доктор филологических наук, профессор-консультант кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков, филологический факультет СПбГУ

Л. А. Вербицкая: начало большого пути

Жизнь Людмилы Алексеевны Вербицкой, первой женщины (и первого филолога), ставшей ректором Санкт-Петербургского университета, декана самого большого его факультета, заведующей одной из ведущих его кафедр, известна хорошо. Она сама рассказала о ней в свое время в многочисленных интервью и затем описала ее в своей замечательной книге «Мой Петербург»¹. И тем не менее даже людям, хорошо знавшим этого удивительного человека, трудно понять, как девочка с трагической судьбой, пережившая в 13 лет страшную травму — арест и смерть отца, ссылку матери, разлуку с семьей, проведшая как «дочь врага народа» годы отрочества в колонии малолетних преступников, смогла стать выдающимся ученым и общественным деятелем. Конечно, главная причина — это ее незаурядные ум, талант, смелость и воля. Но были и внешние счастливые обстоятельства. О них Людмила Алексеевна говорила и писала постоянно, с особой страстностью и нежностью. Это — семья, город, университет и люди, ее окружавшие, прежде всего — учителя.

В этой маленькой заметке мне хочется рассказать именно об учителях, прежде всего о тех, ее общение с которыми я, как

---

¹ *Вербицкая Л. А. Мой Петербург. СПб.: Logos, 2006. 320 с.*

и многие другие коллеги, друзья и ученики Людмилы Алексеевны Вербицкой, могла наблюдать лично. Им посвящены многие страницы названной книги, многочисленные научные публикации, о них Людмила Алексеевна постоянно вспоминала в своих выступлениях. Не просто вспоминала. Служащей той самой колонии во Львове, Виктории Николаевне Карповой, открывшей ей путь к университетскому образованию, Людмила Алексеевна Вербицкая, можно сказать, буквально поставила памятник. Из ее рассказов о своем предшественнике на посту ректора Ленинградского университета Станиславе Петровиче Меркурьеве многие впервые узнавали об этом выдающемся человеке. Но я остановлюсь только на преподавателях родного мне филологического факультета Ленинградского университета.

Вернувшись после реабилитации отца и освобождения из колонии в родной город и поступив в 1954 году на русское отделение филологического факультета ЛГУ, юная Люда Бубнова стояла перед выбором области исследований. Первая ее курсовая работа была посвящена проблеме русского словесного ударения, надо было думать о продолжении. И тут решающую роль в судьбе студентки сыграла преподаватель кафедры русского языка Вера Федоровна Иванова. Выслушав ее вопросы, она без колебаний посоветовала ей «перейти двор филфака», направив ее на кафедру фонетики, определив тем самым характер ее дальнейших исследований и открыв ей путь в большую науку.

Людмила Алексеевна пришла на кафедру фонетики и методики преподавания иностранных языков в очень интересное и важное для нее время. Созданная в 1932 году по инициативе академика Щербы, кафедра отличалась сочетанием преподавательской и методической работы с научной и эксперименталь-

ной. В исследованиях 1950–1970-х годов, проведенных в находившейся при ней Лаборатории экспериментальной фонетики им. Льва Владимировича Щербы, ключевые теоретические вопросы фонетики и фонологии решались в самой тесной связи с прикладными задачами. И работали здесь выдающиеся ученые, верные ученики и последователи Щербы и просто удивительно добрые и отзывчивые люди. Людмила Алексеевна сразу попала в заботливые и в то же время строгие руки Маргариты Ивановны Матусевич, которая приняла заведование после безвременной смерти Щербы. Руководителем ее кандидатской диссертации, теоретическое значение которой далеко выходило за рамки квалификационной работы, посвященной одному из самых сложных вопросов фонетики — соотношению фонем и аллофонов при восприятии речи, — стал Лев Рафаилович Зиндер. Курсы Мирры Вениаминовны Гординой способствовали расширению кругозора молодой исследовательницы. А со своей старшей подругой, Лией Васильевной Бондарко, возглавившей кафедру фонетики после Л. Р. Зиндера, Вербицкую связывала не только самая глубокая и нежная дружба, но и многочисленные совместные исследования и печатные труды. Людмила Алексеевна прошла на кафедре фонетики весь путь — от лаборанта до профессора — и всегда оставалась верна главным принципам работы этого удивительного коллектива: научной честности, доброжелательности, уважению к учителям. Одну из своих последних статей она посвятила памяти Маргариты Ивановны Матусевич². Будучи

---

² *Вербицкая Л. А.* Маргарита Ивановна, учитель и друг! // Памяти Маргариты Ивановны Матусевич (1895–1979). К 120-летию со дня рождения. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2017.

составителем сборника, я была поражена тем, как быстро, почти мгновенно Людмила Алексеевна откликнулась на мою просьбу, несмотря на всем известную ее огромную занятость, как тепло и искренне она написала о своем первом университетском учителе.

На кафедре фонетики создавались первые научные работы Л. А. Вербицкой, которые во многом сформировали ее как ученого и организатора науки. Прославившие ее работы по русской орфоэпии и принципам языковой нормы самым естественным образом вытекали из общего направления работы кафедры фонетики. А когда по просьбе Юрия Сергеевича Маслова, многие годы бессменно руководившего кафедрой общего языкознания, Людмила Алексеевна приняла от него руководство этой, также тесно связанной с именем Щербы, кафедрой, она, несомненно, осуществляла там все те же высокие принципы, добившись серьезного расширения рамок для когда-то очень небольшого коллектива, привлекая к работе выдающихся ученых и открыв при ней новую специальность — теория языка.

Человек, заслуживающий уважения. О Людмиле Алексеевне Вербицкой

Обообщение деятельности Людмилы Алексеевны Вербицкой на посту ректора ЛГУ — СПбГУ еще предстоит, равно как и многих других страниц и граней ее труда и творчества. С другой стороны, ее человеческие качества, безусловно, опишут те, кто был к ней близок как в университетские годы, так и в прочие. Я же хочу остановиться на нескольких эпизодах, когда мне довелось пообщаться с ней непосредственно, решая те или иные вопросы факультетской и кафедральной жизни.

Осенью 2001 года недавно назначенный деканом исторического факультета профессор Андрей Юрьевич Дворниченко обратился ко мне с предложением создать на историческом факультете новую кафедру. По его замыслу, кафедра должна была сосредоточиться на изучении российских регионов, преимущественно окраинных и пограничных с другими странами. Это, безусловно, раздвигало бы рамки исследования и преподавания предметов, связанных с русской историей (и, в определенной степени, со всеобщей). Ведь в классических курсах большее внимание традиционно (и, безусловно, оправданно) уделялось историческим событиям, происходившим в российских центральных и непосредственно примыкающих к ним регионах.

Предложение было заманчивым и вполне осуществимым, и я занялся подготовкой учебного плана (некоторые наметки

которого уже имелись). К началу второго семестра план в предварительном варианте был готов, и на одном из заседаний учебного совета факультета декан поставил в повестку вопрос о создании кафедры, занимающейся историей регионов.

Вот тут-то и оказалось, что далеко не все члены совета согласны с мнением декана. Некоторые выступления сводились к тому, что негоже нашему университету заниматься всякими краеведческими темами — они типичны для провинциальных вузов, а нашему уровню образования они никак не соответствуют.

Этот мотив иногда звучал и на заседаниях различных университетских комиссий. И вот здесь весомое слово должно было принадлежать самому ректору. Людмила Алексеевна не участвовала непосредственно в этих заседаниях, но ее мнение всегда учитывалось, и помощь представителя истфака всегда ощущали. Ректору были направлены представления, объясняющие и мотивирующие необходимость создания кафедры, получившей наименование «Исторического регионоведения», и она внимательно следила за состоянием дел на истфаке.

В итоге все решилось на заседании «большого» учебного совета, который 24 июня 2002 года постановил «создать на историческом факультете кафедру исторического регионоведения». А 1 июля за подписью ректора Л. А. Вербицкой вышел закрепивший это постановление приказ.

С самого начала своего существования кафедра исторического регионоведения старалась разнообразить свою деятельность, основными составляющими которой являлись, безусловно, учебная и научная. Но не забывалась и воспитательная, во многом сочетавшаяся с познавательной. Так, была претворена идея общения студентов кафедры с известными и заслуженными

ми людьми Санкт-Петербурга и России в целом. На одну из этих кафедральных встреч мы пригласили ректора, академика РАО Л. А. Вербицкую. И здесь проявились такие ее качества, как демократичность, коммуникабельность, доступность, корректность.

Переговоры закончились согласием. Было определено время, и мы стали готовиться. Конечно, для общения с ректором была выбрана лучшая аудитория. И самая вместительная тоже, поскольку это кафедральное мероприятие неминуемо должно было стать общефакультетским, что и произошло. Незадолго до начала мне позвонили из ректорского секретариата и сказали, что Людмила Алексеевна немного задерживается. Что было вполне понятно — у ректора столько дел! Услышав мой довольно кислый ответ (сразу стал формироваться негативный сценарий), тотчас же заверили, что встреча обязательно состоится. Вошедшую ректора встретили аплодисментами. Причем достаточно громкими, ибо в аудитории, что называется, яблоку негде было упасть. Были заняты не только сидячие места, но подоконники, студенты стояли в проходах и других свободных местах.

Встреча с ректором удалась. Людмила Алексеевна рассказала о себе, своей научной и административной деятельности. О сложном настоящем университета и возможном будущем. обстоятельно ответила на многочисленные вопросы. Не отказалась и побывать на кафедре, посидеть за импровизированным столом. Беседа шла уже в непринужденной обстановке.

Кафедра исторического регионоведения продолжала свою активную деятельность. Одним из направлений ее стали многочисленные и плодотворные контакты с учебными и научными учреждениями, с рядом историков и краеведов. Так, выяснилась необходимость обмениваться мнениями, рассказать

о достижениях в становящихся все более и более актуальными историко-региональных исследованиях. Идея стала оформляться в реальность. Реальность стала громко называться «Первый Всероссийский съезд историков-регионоведов». У кафедры уже был немалый опыт проведения различных конференций, в том числе всероссийских. Но съезд регионоведов должен был стать масштабным мероприятием. Приглашения были разосланы во все уголки нашей страны, приглашены ведущие ученые.

Крупное научное мероприятие требовало больших затрат. Внес свою лепту факультет. Откликнулся и РГНФ. Оставалось совсем немного. И я записался на прием к ректору. Можно сказать, что был принят незамедлительно. Людмила Алексеевна внимательно выслушала, расспросила, вникнув в детали, и дала положительный ответ. Далее уже были технические проблемы, однако не такие уж и простые. Бухгалтерия согласилась рассматривать вопрос только при наличии распоряжения ректора, но и увидев соответствующую подпись, с недоверием отнеслась к ней. «Обычно на такие мероприятия деньги из ректорского фонда не выдаются», — услышал я ответ. В нашем случае, следовательно, произошло из ряда вон выходящее событие.

Возглавила съезд в ранге председателя довольно представительного президиума ректор СПбГУ Л. А. Вербицкая. Не менее солидным оказался и состав участников. Несмотря на разные организационные сложности, до половины их были представителями вузов и научных институтов со всей страны. Всего же собралось до четырехсот человек. Сияющий своими легендарными люстрами белоколонный актовый зал университета был заполнен до отказа. Президиум занял свои места на подиуме. Людмила Алексеевна прибыла на съезд прямо из аэропорта,

куда несколько часов назад прилетела из командировки в Германию.

Ей предстояло открыть это беспрецедентное собрание. Вступительная речь была произнесена блестяще. Санкт-Петербургский университет, говорила ректор, является основателем регионоведческого изучения России в рамках отечественной исторической науки в целом. Именно здесь в первые десятилетия XX века профессор И. М. Гревс не только активно проводил экскурсоведческие студенческие занятия, но и разрабатывал теоретические основы регионально-краеведческого движения. В 20-х годах в Петрограде и Москве успешно работали экскурсионные институты. Дальнейшее развитие отечественного регионоведения (краеведения и градоведения) связано с именем ученика И. М. Гревса, тоже петербургского универсанта Н. П. Анциферова. Расцвет и падение краеведения в 20–30-х годах были сопряжены с общими политическими и идеологическими тенденциями в стране. К сожалению, отмечала она, краеведение на многие годы было исключено из преподавания и, фактически, из науки. Такая ситуация начала постепенно меняться с 60-х годов, а в 90-х — начале 2000-х очевидными стали восстановление отечественного краеведения и переход осуществляемых в его ракурсе научных изысканий на новый уровень — регионоведческих исследований. Без преувеличения можно сказать, что ее выступление и пожелания задали тон всему съезду.

Людмила Алексеевна Вербицкая возглавила университет в сложное и неоднозначное для него и страны в целом время. Но благодаря своему высокому нравственному, духовному и организаторскому потенциалу ей удалось сохранить основные университетские традиции и ценности.

*Визит Ж. Ширака в СПбГУ. 2001 год.
В музее-архиве Д. И. Менделеева*

Людмила Алексеевна Вербицкая и создание медицинского факультета в СПбГУ

Санкт-Петербургский университет для Людмилы Алексеевны Вербицкой был не только *alma mater*, это был ее дом, ее жизнь, ее мечта. Она писала, что университет «имеет все основания гордиться своей историей и смотреть с оптимизмом в XXI век»¹. Одним из важных достижений в годы ее руководства СПбГУ была организация новых факультетов, в том числе медицинского. Несколько слов о том, как это все начиналось. 2 сентября 1994 года мне позвонила Л. А. Вербицкая и спросила, когда была бы возможна наша встреча. Я не был знаком с Л. А., сотрудничал с преподавателями ряда факультетов, читал лекции на биологическом факультете СПбГУ. Встреча с Л. А. Вербицкой была назначена на ближайший вторник в 15 ч. дня после ее возвращения из Петергофа, где она, как ректор, вела в этот день недели прием сотрудников. По телефону была очерчена тема обсуждения — соображения о создании медицинского факультета.

В деталях помню этот день. Я приехал в университет, в приемной ректора меня встретила ее помощница Людмила Павловна

---

¹ 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись 1724–1999 / под ред. Л. А. Вербицкой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 7.

и сказала, что Л. А. звонила, она едет из Петергофа и просила провести меня в ее кабинет. Вскоре приехала Л. А. и после нескольких вступительных слов началось обсуждение вариантов создания медицинского факультета. Рассматривались два предложения: одно из них — готовить специалиста по направлению «Биомедицина», второе, с моей точки зрения предпочтительнее, — готовить врачей по специальности «Лечебное дело». Суть отличий концепций была в том, что в одном случае выпускник получал диплом по специальности «Лечебное дело» и мог стажироваться в ординатуре по любому направлению клинической медицины, а при желании и дополнительной подготовке продолжить работу на теоретических кафедрах или в научно-исследовательских институтах. При другом варианте в основу подготовки специалиста было положено углубленное изучение молекулярной биологии, биохимии, биофизики; выпускник не имел права лечебной работы, но обладал широкими возможностями для последующей деятельности в исследовательских биомедицинских учреждениях. Существенные отличия касались права на открытие медицинского факультета: разрешение на подготовку по специальности врач-биохимик, врач-биофизик давало Министерство высшего образования, к которому принадлежал Петербургский университет, а по специальности «Лечебное дело» требовалось согласование и разрешение Министерства здравоохранения РФ.

В классических университетах наряду с физическим, химическим, гуманитарными факультетами обычно создавался медицинский факультет. В долгой истории Санкт-Петербургского университета неоднократно предпринимались попытки организации медицинского факультета, но он так и не был

создан. В начале XX века такая инициатива возникла вновь, обращение к властям подписали великие ученые, среди них выпускник Петербургского университета И. П. Павлов, в 1904 году увенчанный Нобелевской премией в области физиологии и медицины. Его голос поддержали В. И. Вернадский, В. М. Бехтерев, но все спутала разгоревшаяся Первая мировая война. Предпринимались попытки организации факультета и в последующие годы, но они были неудачны². Университет вновь обратился к этой проблеме в последнее десятилетие XX века. Активным сторонником создания медицинского факультета был ректор С. П. Меркурьев. Его трагическая смерть в 1993 году в возрасте 48 лет не привела к смене курса и программы развития университета, когда его возглавила Л. А. Вербицкая, первый проректор в бытность С. П. Меркурьева. Она активно участвовала в создании программы развития университета, способствовала появлению новых факультетов, в их числе медицинского.

Осенью 1994 года в университете был объявлен конкурс проектов по организации медицинского факультета, создана специальная комиссия. Мне известно, что были два претендента на должность декана-организатора: один — зам. начальника ВМА им. С. М. Кирова, член-корреспондент РАМН В. О. Самойлов, другим был я. Самойлов отстаивал идею создания медицинского факультета для подготовки специалистов в области биомедицины. Моя концепция организации медицинского факультета была сосредоточена на подготовке врачей по

---

² *Марков А. Г.* Медицинский факультет Санкт-Петербургского университета: история создания (1994–2001). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. 251 с.

специальности «Лечебное дело» при всестороннем участии других факультетов университета для глубокой подготовки в области фундаментальной науки. Для адекватного обучения клиническим дисциплинам предполагалось включить в систему подготовки в качестве базовых кафедр имеющиеся в Санкт-Петербурге институты РАН и РАМН, что могло дать хорошее образование на основе новейших достижений науки при уже существующей инфраструктуре.

Л. А. выслушала мои аргументы и после длительного обсуждения попросила изложить концепцию в виде варианта программы и представить комиссии. Итоги стали известны в октябре, а завершающее обсуждение проходило на заседании ученого совета в конце ноября 1994 года. В итоге ученый совет СПбГУ под председательством Л. А. одобрил мой проект и рекомендовал начать создание медицинского факультета.

1 декабря 1994 года меня зачислили в штат деканом-организатором, началось создание факультета. Ничего не было — ни комнаты, ни сотрудников, ни опыта работы в университете. С момента первой встречи с Л. А. и обсуждения проблемы организации факультета до объявления конкурса на новый факультет в июне 1995 года прошло около 9 месяцев. 1 сентября 1995 года были зачислены первые 26 студентов из 112 подавших заявления на конкурс. На факультет конкурс был практически такой же, как и в другие государственные медицинские вузы Петербурга³.

---

³ *Марков А. Г.* Медицинский факультет Санкт-Петербургского университета: история создания (1994–2001).

Вернемся к началу декабря 1994 года. Ректор университета выделила несколько вакансий для организации группы по созданию факультета. В нее вошли декан биолого-почвенного факультета И. А. Горлинский, профессор кафедры гистологии А. Д. Харазова, д-р биол. наук Т. В. Черниговская, канд. биол. наук А. Г. Марков и др. Я встретился с А. Г., мне он понравился, и я подписал заявление на имя ректора с просьбой зачислить его моим заместителем по организации факультета. Организация факультета проходила без специального финансирования. В первые полгода с декабря 1994 года до начала занятий осенью у нас была одна комната около 18–20 м² без окон. Дверь выходила в знаменитый университетский коридор Главного здания. С 1 сентября 1995 года нам выделили три комнаты на втором этаже в здании исторического факультета на Менделеевской линии. Раздобыли мы несколько столов. Парты для занятий студенты свинчивали из деталей сами, я показывал студентам, как это делать.

Так была начата работа факультета. Лекции читали профессора различных факультетов СПбГУ, приглашенные лекторы из учреждений РАН, РАМН нашего города. В первые дни первой недели учебного года я обсудил с каждым студентом тему его курсовой работы, чтобы она сочетала его интересы и отвечала учебным планам медицинского факультета. Основная особенность факультета по сравнению с медицинскими вузами состояла в том, что будущие врачи должны иметь широкое общее образование и необходимые навыки клинической медицины. По моему предложению два раза в месяц после занятий в 17.30 проводились семинары по широкому кругу проблем, включая гуманитарные. 3 ноября 1995 года с лекцией о современном русском языке выступила профессор филологического

факультета Л. А. Вербицкая. Лекция длилась час, затем вопросы не более часа, а после этого — общее чаепитие в непринужденной обстановке, продолжительность семинаров составляла около 3 ч. Я купил сервиз на 40 персон, мы готовили чай, обсуждали интересные проблемы, потом вместе мыли посуду и довольные вечером по Дворцовому мосту отправлялись к метро. Эти семинары имели большое значение для выработки у студентов навыков участия в дискуссии.

Судьба распорядилась так, что почти одновременно я был приглашен стать деканом-организатором медфака СПбГУ и вскоре избран членом президиума РАН и академиком-секретарем Отделения физиологии РАН. Ясно, сколько ежемоментно возникало проблем, требующих немедленного решения, согласования с ректором СПбГУ или с президентом РАН. В обоих случаях и с Л. А. Вербицкой, и с Ю. С. Осиповым сложились удивительно добрые, конструктивные рабочие и человеческие отношения, позволившие успешно и быстро решать все вопросы. Л. А. отличала способность схватывать суть проблемы, не откладывая принимать решения. Л. А. не боялась ответственности и была абсолютным человеком слова. Создание факультета с нуля, организация новых кафедр, полное отсутствие клинических баз требовали не только неординарных решений, но и встреч и бесед с руководителями разного уровня. Это была прекрасная школа жизни, вместе с Л. А. мы встречались с начальником Военно-медицинской академии генерал-полковником Ю. Л. Шевченко, ректором Первого медицинского института им. И. П. Павлова акад. Н. А. Яицким и многими другими. Ю. Л. поддержал идею создания факультета и дал согласие на участие в работе факультета И. В. Гайворонского и проведение

занятий на базе лучшего анатомического музея кафедры анатомии ВМА. Были встречи с главой администрации Васильевского острова, главными врачами крупнейших клиник города. Итогом стала организация работоспособного факультета.

Во второй половине 90-х годов Л. А. уделяла большое внимание истории СПбГУ, подготовке к празднованию его юбилея. Важную роль в развитии факультета сыграла реализация цели, которая была изложена в концепции факультета в 1994 году. Речь шла о претворении на примере медфака триады Петра I об едином образе — «Школа — Университет — Академия». В 1995 году был создан медицинский факультет, в 1998 году совместно с Домом творчества юных нами был организован малый медицинский факультет⁴. В качестве лечебных базовых кафедр стали участвовать академические институты — как научно-исследовательские, так и клинические. Студенты медфака не только получали из первых рук новейшие знания, но и участвовали в исследовательских проектах, выступали на конференциях, к концу 90-х годов медфак организовал и провел Всероссийские конференции молодых исследователей «Биохимические и биофизические механизмы физиологических функций» (1996); «Человек и его здоровье» (1998 и затем ежегодно до настоящего времени) и др. Это очень быстро дало свои плоды — конкурс на медфак вырос с 4,5 в 1995 году и стал к концу 90-х выше 10 человек на место, превысив не только конкурс в 1-й и 2-й медицинские университеты Санкт-Петербурга, ВМА им. С. М. Кирова, но и на любой из факультетов СПбГУ. Среди студентов медфака

---

⁴ Наточин Ю. В., Барабанов С. В., Волкова М. А. Малый медицинский факультет. Начало пути // Аничков вестник. № 9. Физиология и экспериментальная медицина. СПб., 1998. С. 75–78.

появились лауреаты конкурсов РАН, премий Правительства Санкт-Петербурга. Тем самым в короткий срок были решены задачи, поставленные ректором Л.А.Вербицкой, был сформирован факультет, а в 2001 году впервые состоялся выпуск в СПбГУ врачей по специальности «Лечебное дело»; к настоящему времени такие дипломы получили 1246 выпускников медицинского факультета СПбГУ. Еще одна форма взаимодействия факультетов касалась разработки совместных исследовательских программ, представляющих взаимный интерес, обеспеченных грантами и быстро создающих нишу медфака как интегральной структуры университета.

В одной из бесед в правительстве города Л.А.Вербицкая рассказала губернатору Санкт-Петербурга В.А.Яковлеву о создании медицинского факультета и наборе студентов; он удивился, что такая некоммерческая структура в те годы была создана и развивалась. В ответ Л.А. пригласила его посетить факультет. Он встретился с коллективом, ответил на вопросы. Встреча продолжалась несколько часов, в ней участвовали ректор Л.А.Вербицкая, представители властей Васильевского района, студенты и преподаватели. Медицинский факультет произвел на губернатора очень хорошее впечатление. В то время нам было выделено и освоено здание на 21-й линии, дом 8а, бывший особняк Франка, который ранее принадлежал объединению «Механобр». Генеральный директор этого объединения академик Л.А.Вайсберг встречался со студентами. Ему понравилась идея создания факультета, принципы его организации, и он полностью передал все здание СПбГУ.

Должности, которые занимала Л.А., предполагали очень широкий круг общения. Мне довелось быть участником ее

встреч и бесед с писателем Д. А. Граниным, замечательным хирургом академиком А. М. Грановым, со студентами первого набора медицинского факультета и др. Л. А. всегда находила язык общения адекватный событию, обогащала встречи, делала их неповторимыми и результативными.

Фотографирование давно было одним из моих увлечений, часто в руках был фотоаппарат. В эту короткую статью памяти Людмилы Алексеевны включены несколько сделанных мной фотографий. Одна из них — 17 июня 2006 года, в день ее юбилея, на другой она запечатлена в кабинете президента СПбГУ. Однажды вместе с Л. А. мы навестили на даче выдающегося хирурга, академика Анатолия Михайловича Гранова, ее фото я сделал там в лучах заходящего июльского солнца.

В моей памяти Людмила Алексеевна остается живым, глубоким, разносторонним человеком. Каждая встреча с ней обогащала, в первое время основной темой бесед было создание медицинского факультета, трудные проблемы взаимодействия университета и Российской академии наук, новых изданий университета. Каждому петербуржцу памятни плакаты в метро почетного гражданина города Л. А. Вербицкой и ее миссии, направленной на сохранение русского языка — «Давайте говорить правильно». В начале XXI века Л. А. выступила с инициативой издания серии книг «Давайте писать правильно». Л. А. подарила мне ко дню рождения 10 томов этого издания. Вклад Людмилы Алексеевны в достояние народа — сохранение и развитие русского языка — бесценен. В этом продолжающемся издании все уникально, продумано, соразмерно — форма представления, четкость формулировок, формат книг. Во всем, чего касалась Л. А., сохраняется вклад ее души, ее интеллекта, ее таланта —

*Фотографирование
давно было одним из моих
увлечений, часто в руках
был фотоаппарат.
В эту короткую статью
памяти Людмилы
Алексеевны включены
несколько сделанных мной
фотографий: на даче,
в день юбилея и в кабинете
президента СПбГУ*

На собрании, посвященном первому выпуску университетских эскулапов, ректор Л. А. Вербицкая сказала: «Медицина очень специфический вид деятельности, но я надеюсь, что за долгие годы работы в этой профессии ваше сердце не очерствеет. Вы — выпускники лучшего университета в мире».

это прежде всего Санкт-Петербургский университет, его новые факультеты, язык во всем его богатстве, любимый город. На собрании, посвященном первому выпуску университетских эскулапов, ректор Л. А. Вербицкая сказала: «Медицина очень специфический вид деятельности, но я надеюсь, что за долгие годы работы в этой профессии ваше сердце не очерствеет. Вы — выпускники лучшего университета в мире»⁵.

---

⁵ Выпускник 2001. Ю. В. Наточин воплотил мечту Петра Первого. // Санкт-Петербургский университет. 2001. № 20. С. 13.

Л. А. Петросян

*Доктор физико-
математических наук,
профессор, декан ПМ-ПУ
СПбГУ*

Вместе в СПбГУ

Став ректором Санкт-Петербургского государственного университета, Людмила Алексеевна Вербицкая провела несколько встреч с руководителями факультетов и ведущими учеными университета, хотя до вступления в эту должность она занимала руководящие позиции в университете и поэтому хорошо знала коллектив. При встрече со мной Людмила Алексеевна очень подробно расспрашивала о жизни факультета прикладной математики — процессов управления (ПМ-ПУ). Она была хорошо информирована о тех проблемах, с которыми сталкивался наш коллектив с момента своего создания и которые большей частью были вызваны непониманием значения прикладной математики и компьютеров (цифровизация, искусственный интеллект, большие данные) для решения актуальных народно-хозяйственных задач. Во время нашей первой беседы я сразу понял, что она не только прекрасно понимает необходимость развития наших научных направлений и основанного на этих направлениях учебного процесса, но и готова всячески поддерживать положительные инициативы ученых ПМ-ПУ. Так, после этой встречи была похоронена навязчивая идея о сокращении приема по направлениям подготовки ПМ-ПУ. Были предприняты конкретные шаги по обеспечению учебного процесса ПМ-ПУ всем необходимым; в частности, Людмила Алексеевна поддержала мое предложение о передаче одного из вновь построенных

в Петродворце университетских зданий ПМ-ПУ для организации там учебного процесса. Я рассказал сотрудникам факультета о первой встрече с новым ректором, о тех вопросах, которые мы обсуждали, и о результатах, которых удалось достичь. Надо сказать, что не все мои коллеги поверили в искренность обещаний, поскольку горький опыт предыдущих лет показывал, что многие из них не выполнялись или просто забывались. Но с первых моментов моей беседы с Л. А. Вербицкой у меня сложилась твердая уверенность в том, что все, что обещано ею, пусть даже при официальной, но без посторонних свидетелей и нигде не зафиксированной встрече, будет выполнено. Дальнейшие события показали мою правоту. Здесь надо особо отметить, что в это время в стране происходили сложные процессы перестройки, которые далеко не всегда способствовали развитию науки и народного хозяйства, а довольно часто приводили к негативным результатам. Особенно непросто было представителям гуманитарных специальностей. Ведь многие из них строили свою преподавательскую и научную деятельность, базируясь на работах «классиков» марксизма-ленинизма, и были искренне убеждены в том, что поступают единственно правильным способом. Может быть, именно поэтому Людмила Алексеевна посчитала необходимым организовать ознакомительные поездки руководителей университета и деканов по ведущим университетам Европы. Тогда некоторые считали эти поездки затратными туристическими экскурсиями, однако действительность опровергла эти воззрения. При руководстве Людмилы Алексеевны произошло возрождение гуманитарных наук, и университет стал приближаться к тому месту в мире, которое он занимал, будучи еще императорским университетом.

Осенью 1999 года факультет ПМ-ПУ праздновал свое тридцатилетие. Людмила Алексеевна Вербицкая пригласила профессоров факультета в свой кабинет и тепло поздравила членов коллектива. Проведение такого мероприятия в кабинете ректора СПбГУ — помещении, имеющем историческое значение для развития высшего образования и науки в России, показывало глубокое понимание Людмилой Алексеевной значения точных наук и, в особенности, направления на математизацию и компьютеризацию основных сфер деятельности современного общества.

В 2003 году ПМ-ПУ переехал в новое здание по адресу Университетский проспект 35, и это оказалось полным подтверждением моего первого впечатления. Людмила Алексеевна приехала на факультет, и мы вместе с ней перерезали зеленую ленту, символизируя открытие здания для осуществления там учебного процесса. Людмила Алексеевна была частым гостем на ПМ-ПУ. После открытия нового здания факультета в коллективе возникла идея установки памятника его основателю и первому декану В.И.Зубову. Для установки памятника было выбрано место в холле факультета, на открытие памятника мы пригласили Людмилу Алексеевну и, несмотря на исключительную занятость, она нашла возможность приехать, и мы так же, как и год назад, вместе перерезали символическую ленту. Как я говорил в начале этой статьи, Людмила Алексеевна часто проводила личные встречи с учеными университета; в частности, она несколько раз была на квартире у В.И.Зубова, и Владимир Иванович, будучи достаточно критически настроенным человеком, очень радовался этим встречам и с большим энтузиазмом рассказывал мне о них. Здесь уместно вспомнить, что

После открытия нового здания факультета в коллективе возникла идея установки памятника его основателю и первому декану Владимиру Ивановичу Зубову. Для установки памятника было выбрано место в холле факультета, на открытие памятника мы пригласили Людмилу Алексеевну и, несмотря на исключительную занятость, она нашла возможность приехать, и мы также, как и год назад, вместе перерезали символическую ленту.

член-корреспондент АН СССР Владимир Иванович Зубов еще в детстве во время войны лишился зрения, хотя по его образу жизни этого практически нельзя было заметить.

При решении актуальных вопросов развития университета Людмила Алексеевна советовалась с учеными, руководителями структурных подразделений, директорами и деканами. Так, она стала инициатором проведения еженедельных ректорских совещаний, на которых присутствовали высшие руководители СПбГУ и руководители факультетов. Эти совещания показали свою эффективность и успешно проводятся до сих пор. Она прекрасно понимала уникальную роль университета как единого центра, включающего в себя преподавателей и ученых по всем возможным направлениям науки и подготовки кадров. Примером такого понимания может служить реализация проекта по созданию школы менеджмента. К работе этой школы по инициативе Людмилы Алексеевны были привлечены не только экономисты, социологи и другие представители гуманитарных факультетов, но и прикладные математики, в частности, сотрудники нашей кафедры математической теории игр и статистических решений.

Положительный вектор развития университета, заложенный и поддерживаемый его ректором Л. А. Вербицкой, имел не только важное значения для университета, но, безусловно, был хорошим примером и для страны в целом. В дальнейшем, в течение моей работы в должности декана ПМ-ПУ, я имел возможность постоянно в этом убеждаться.

В 2002 году в мае в СПбГУ проходил 10-й международный симпозиум по динамическим играм и их приложениям (The 10th International Symposium on Dynamic Games and Applications),

приехало около 200 участников, из них более 75% из дальнего зарубежья. Открытие состоялось в зале ученого совета СПбГУ, и Людмила Алексеевна выступила на процедуре открытия. Она тепло поприветствовала участников симпозиума, пожелав им успешной работы. В этом же году в Пекине летом проходил Международный конгресс математиков. Я обсудил с Людмилой Алексеевной наше участие в этом конгрессе. Помимо выступления с докладами непосредственно на конгрессе была возможность организовать спутниковые конференции по различным направлениям математики, приуроченные к конгрессу. В связи с тем, что мой научный руководитель и профессор нашего университета Н. Н. Воробьев был создателем советской и восточно-европейской школы математической теории игр, а также заложил фундамент этой науки в Китае, у меня возникла идея организовать в Циндао (в университете города Циндао работал мой бывший аспирант Хонгвей Гао и занимал там высокую позицию) под эгидой наших ученых спутниковую к Конгрессу математиков в Пекине конференцию по теории игр и ее приложениям. Людмиле Алексеевне эту идею поддержала, поскольку справедливо полагала, что такое мероприятие будет способствовать укреплению авторитета СПбГУ в мировом сообществе. Такая конференция была организована и успешно прошла в Циндао. При входе в зал заседаний висела огромная фотография профессора ЛГУ Н. Н. Воробьева с премьер-министром КНР Чжоу Эньлаем. Как председатель научного комитета конференции, я пригласил нобелевских лауреатов Д. Нэша, Р. Аумана, Р. Зельтена и Л. Шэпли выступить с пленарными докладами, на что они с удовольствием согласились, и конференция имела большой успех. По приезде я сразу доложил Людмиле Алексе-

евне об успехе конференции, она была этому рада и в дальнейшем поддержала нашу инициативу проведения ежегодных международных конференций «Теория игр и менеджмент» на базе ПМ-ПУ и школы менеджмента.

Людмила Алесеевна была чутким человеком и глубоко переживала неудачи, которые иногда происходили с сотрудниками. Я смог в этом убедиться на личном опыте. В конце 2004 года я получил множественные переломы и должен был вынести две тяжелые операции и многомесячный период восстановления. Мы с семьей готовились встретить новый 2005 год, конечно, не в самом лучшем настроении. Вдруг мне позвонили из университета и сообщили, что Людмила Алексеевна собирается нас вечером посетить. Это было очень приятно, Людмила Алексеевна вместе с проректором Игорем Васильевичем Муриным пришла к нам домой, и мы просидели весь вечер. Я, конечно, не мог не предложить ей выпить шампанского из хрустальных бокалов, которые когда-то использовали при дворе Людовика XIV. Звон этих бокалов пришелся ей по вкусу, и она даже несколько раз чокалась с нами. Это был большой праздник, который, безусловно, помог моему выздоровлению. Думаю, что я далеко не единственный сотрудник университета, которому она таким образом помогала преодолевать невзгоды жизни.

Весной 2005 года происходили выборы декана ПМ-ПУ. Выборы были альтернативными, и у меня был сильный конкурент, один из наиболее авторитетных профессоров нашего факультета. Людмила Алексеевна вела очень корректно заседание совета на ПМ-ПУ и в течение всего заседания никак не высказывала своего предпочтения ни одному из кандидатов. Прошло голосование, и я победил, получив около двух третей голосов.

Только после оглашения результатов голосования она призналась, что желала моей победы. Мне кажется, что объективность и непредвзятость — это важное качество любого руководителя, и оно было неотъемлемым качеством Людмилы Алексеевны как руководителя.

Став президентом СПбГУ, Людмила Алексеевна до последних дней принимала активное участие в жизни университета, не пропускала заседаний ученого совета СПбГУ и ректорские совещания. Ее авторитетное мнение всегда учитывалось при принятии судьбоносных для университета решений.

Несколько штрихов к биографии Людмилы Алексеевны Вербицкой

Ушла Людмила Алексеевна Вербицкая... Ушла, чтобы остаться в нашей памяти — своими делами, своими трудами. А успела она немало. Недаром же она известна и названием малой планеты, и как обладатель ордена Почетного Легиона, многих других степеней и званий; все не перечесть — да и надо ли? Важно, что Л. А. была крупной *личностью*.

Достаточно сказать, что в 90-е СПбГУ мог вообще превратиться в заштатный вуз в условиях радикальной реформы, оттока талантливых преподавателей и абитуриентов, да и просто хронического недофинансирования; всем этим в 90-е годы мог «похвастаться» практически любой из российских вузов, так что Россия рисковала стать страной одного университета (догадайтесь, какого именно). Когда-нибудь аспиранты-историки будут писать диссертации «Российское высшее образование в 90-е гг.». (А, может быть, уже пишут/написали?) Л. А. в таком ученом труде должно быть посвящено достаточно много страниц.

Из моих собственных «свидетельских показаний»: «Слушай, Вербицкая, твоя организация столько нам задолжала, что, глядишь, придется водоснабжение отключать!». И так с утра до вечера: водоканал, банк один, банк другой, Ленэнерго и т. д., и т. п.

В то же время — создаются новые факультеты, Валерий Гергиев дает для сотрудников и студентов оперу «Поворот винта»

Б. Бриттена в концертном исполнении (фактически премьеру). В центре вихревой активности — Л. А. Она вообще, по-моему, была «не в своей тарелке», когда вокруг было чересчур тихо и спокойно.

У Л. А. был особый «глаз» на людей, ей не нужно было «пуд соли съесть», чтобы понять, чего стоит (или не стоит) человек. Ошибалась она редко. Неудивительно, что довольно скоро на кафедре общего языкознания образовался круг лингвистов, которые понимали, чего ждет от современного филолога наука, как, не теряя филолога, воспитать лингвиста.

Рядом — восточный факультет, где умеют хранить традицию и не чураются нового материала. Даже с точки зрения формальной логики, если Восток это А, то Запад — это Б, и друг без друга их не бывает.

Нельзя обойти, хотя бы двумя словами, деятельность Л. А. в рамках Болонского процесса. В 1999 году 48 стран подписали Болонскую декларацию. Оценки Болонского процесса расходятся до сих пор. Но нельзя не видеть, что не будь Болонского процесса, западные страны не понимали бы, что означает запись *специалист* в российском дипломе и почему бакалавр учится чаще всего четыре года. Прибавим более широкий контекст взаимного признания документов о высшем образовании, где приходилось иногда через суд отстаивать валидность таких документов, и мы поймем, сколько судебных дел было сломано в отсутствие рамок Болонских соглашений.

Всех этих соглашений не было бы, если бы СПбГУ во главе с Л. А. не отстаивал их в течение ряда лет.

Я не был близко знаком, но хочу поделиться общим впечатлением. Считаю, что в те весьма тяжелые для университета годы Людмила Алексеевна сформировала оптимальную модель и структуру управления университетом, гармонично сочетая централизованное управление с широкой самостоятельностью факультетов во всех сферах университетской жизни. Ведь требовалось реформировать и фактически перезапустить не только учебную, научную жизнь университета, но и обеспечить нормальное функционирование всей физической инфраструктуры его огромного хозяйства и финансовой составляющей. Широкая самостоятельность факультетов, деканов, ученых советов, кафедр избавила от бюрократизма, избыточной волокиты интеллектуальный потенциал — все включились в активную перестройку учебной, научной работы. Университет активно стал включаться в мировое учебно-научное пространство, расширились возможности поиска финансовых ресурсов. Это позволило не только сохранить, но и наращивать образовательный и научный потенциал университета. Я это хорошо чувствовал на факультете менеджмента, который начинал свою деятельность с нуля и стал при Людмиле Алексеевне полноправным подразделением университета.

Людмила Алексеевна, несомненно, обладала незаурядным умом, сильной волей и высоким интеллектом. Общение с вышестоящим руководством, когда структуры управления находились в процессе становления, добывание элементарных средств

на нужды университета в условиях, когда нормальный бюджетный процесс был нарушен, требовали от нее огромных усилий несмотря на ее огромный общественный авторитет.

Брожение умов в весьма пестром и равнодушном университетском сообществе требовало большого такта и умения, чтобы смягчить противоречия, избежать больших конфликтов и направить энергию университетского коллектива в созидательное русло.

Людмила Алексеевна была весьма обаятельной женщиной. Несмотря на огромную занятость, она всегда была приятна и внимательна в общении, властвуя, никогда не демонстрировала свою власть, всегда была в хорошем настроении, с улыбкой, со вкусом одета — образец женщины и универсанта.

А. Д. Ноздрачев

*Доктор биологических наук,
профессор кафедры
общей физиологии СПбГУ,
академик РАН*

Л. А. Вербицкая: штрихи к портрету

Мое первое знакомство с Людмилой Алексеевной Вербицкой было заочным и произошло оно в поезде Ленинград-Москва. Произошло просто: я, аспирант третьего года, ехал в Москву на конференцию. Диссертация закончена, надо было ее «обкатать»; зимние студенческие каникулы, с билетами — труба, с большим трудом достал в общий вагон дневного поезда с прибытием не на Ленинградский, а на какой-то иной незнакомый мне (Москва-Бутырская) вокзал. Да и то счастье «подвалило», и место оказалось не боковым. Но зато — университетские «филологини», почти выпускницы ЛГУ, едут домой в Омск на каникулы, в Москве у них пересадка. Проговорили всю дорогу.

И тут, в числе дифирамбов университетскому филфаку, они в подробностях рассказали об их сокурснице Людмиле Бубновой, ее отце, трагедии 50-х годов, Львове, переводе в ЛГУ, ее удивительных способностях, гордясь, совершенно не скрывая, дружбой с ней. Я удивился. Но память была приличной и лучше сознания знала, что делать.

Защитившись и получив утверждение, я устроился в Институт экспериментальной медицины к прямому ученику и продолжателю павловского направления академику АМН СССР Дмитрию Андреевичу Бирюкову, который и стал моим первым

наставником научной физиологии, учителем, руководителем, покровителем.

Именно в этот момент уже знакомая мне команда тех же «филологинь», включая теперь и уже не заочно, а реально Людмилу Бубнову, заканчивала университет, и я был случайно приглашен на вручение дипломов. Это был 1958 год. Много лет не встречались и вообще не виделись, каждый шел своим путем.

В 1965 году Бубнова, став Вербицкой, защитила кандидатскую диссертацию. Я же в 1968 году — докторскую. Работал рядом с ЛГУ в Институте физиологии им. И. П. Павлова АН СССР (где работаю с 1960 по сей день), и меня позвали читать физиологию вегетативной нервной системы на университетской кафедре, которая подарила миру гений Павлова, на которой много лет работал отец русской физиологии — Иван Михайлович Сеченов и столпы-корифеи нейрофизиологии Н. Е. Введенский, А. А. Ухтомский и многие, многие их продолжатели. Потом последовали приглашения возглавить эту историческую, всемирно известную кафедру. В этот период встречи с Людмилой Алексеевной участились, и, как я понял, она была в курсе моих университетских дел. Вдруг неожиданно встретившись в БАН на выставке новых поступлений, она сказала мне: «Не валяйте дурака, — зовут, значит нужен, идите, поможем. Не капризничайте, с Василеостровским райкомом согласовано».

Да я и не собирался капризничать. Была уже в Павловском институте создана мною сугубо молодежная электрофизиологическая лаборатория; разработан, предложен, внедрен и признан метод нейрофизиологической регистрации сенсорных или моторных сигналов с любой из висцеральных (сердечно-сосудистой, дыхательной, пищеварительной и иных) систем у бодр-

ствующих животных и даже при их свободном поведении. Это было новое слово в изучении внутренней жизни организма высших позвоночных. Меня назначили заведовать самым крупным в СССР (свыше 15 лабораторий, да еще научные группы) отделом физиологии висцеральных систем.

К тому же, помимо наблюдений работы и оценок поведенческих реакций каждой из этих жизненно важных структур, в руках экспериментаторов-нейрофизиологов появились тогда еще совершенно новые микроэлектродные нейрофизиологические методы совершенно нового уровня — внеклеточная, и главное, даже внутриклеточная регистрация нервных процессов. Конечно, не раз и не два мы детально обсуждали, взвешивая *pro et contra* перехода с еще одним моим наставником и дорогим учителем — академиком АН СССР и АМН СССР Владимиром Николаевичем Черниговским. Все это я рассказал при той встрече с Вербицкой в библиотеке. Ответ был незамедлительным: «Ну и ну, такой ситуации можно лишь завидовать. В университете есть Институт физиологии им. А. А. Ухтомского, там и развернетесь». Я, в принципе, так и поступил. Институтский отдел передал преемнику, а лабораторией ведаю в Павловском академическом институте и до сих пор.

В конце декабря 1980 года я был избран заведующим этой исторической кафедрой и без малого тридцать лет ее возглавлял. Позже, в постсоветское время, кафедру предложил своему талантливому ученику, профессору Александру Георгиевичу Маркову (о нем речь тоже пойдет ниже в связи с деятельностью Людмилы Алексеевны на посту проректора по учебной работе, затем первого проректора ЛГУ и, наконец, ректора СПбГУ), сам же остаюсь ординарным профессором кафедры. Следовательно,

вся моя научная жизнь проходит в академических нейрофизиологических учреждениях: ИЭМе, ФИНе, СПбГУ.

В сфере деятельности проректора по учебной работе — должность, которую Людмила Алексеевна занимала наряду с заведыванием кафедрой на филфаке с 1984 по 1993 год — входили студенческие практики. Их в университете было тогда свыше 110, да еще огромное хозяйство — базы практик, которых было пять, но каких!?: Беломорская биологическая станция, Крымская база (в Гурзуфе), «Лес на реке Ворскле» (в Белгородской области), Кузнечное (близь Приозерска), Саблино с пещерами. Базы практик — дело далеко не простое. Здесь и элементарный общежитский быт, питание, транспорт, не говоря уже о программах, которые целиком осуществлялись кафедрами; ремонты, кухни, медицина и поехало-пошло.

Когда меня избрали заведовать кафедрой, и я еще толком-то и оглядеться и познакомиться не успел, ректор, член-корреспондент АН СССР, химик Валентин Борисович Алесковский (с чьей-то подачи) деликатно повесил на меня комиссию по практикам и их базам. Я представил ждущий меня кошмар, подумал: «Помирать, так с музыкой, была — не была, где наша не пропадала?!» И надо же было такому случиться — непосредственным моим начальником оказалась проректор по учебной работе, профессор Людмила Алексеевна Вербицкая. Деловой рабочий язык возник сразу, благо у каждого из нас был уже приличный опыт ответственной выборной общественной работы.

Базы мы, как правило, посещали регулярно вместе с проректором и деканом биофака Игорем Алексеевичем Горлинским. Особенно перед и в сезон практик. Проколов не было, хотя и больших достижений тоже. Странно, но в МГУ, как мне

известно из первых рук, такого хозяйства не существовало, как, впрочем, и баз. А оно для университетского процесса приобретения знаний исключительно необходимо. В последнем периоде советских лет, наконец, созрели. МГУ и ЛГУ начали переговоры по поводу Беломорской станции. К большому сожалению, в них я полностью не участвовал, пришлось заниматься с проректором по общим вопросам Л. В. Огневым и главным бухгалтером Р. И. Цветовым Саблинской базой. Там были вопросы и даже проблемы, требовавшие постоянного внимания.

Поэтому Людмила Алексеевна буквально через несколько дней попросила меня вернуться, как она выразилась, «на Саблинское хозяйство», а сама спокойно, разумно, с большой даже пользой для ЛГУ, решила эту по тем временам далеко не простую задачу с Беломорской станцией и МГУ. По возвращении ее с Белого моря мы в деталях обменялись обоюдной позитивной информацией. От этой ситуации меня и по сей день не покидают приятные воспоминания. И не только от этого.

В составе Беломорской команды проректора в тот раз, не знаю каким-то образом и почему, оказался профессор Владимир Николаевич Кокряков — биохимик высшего класса. Его уже тогда интересовали молекулярные механизмы врожденного иммунитета. Заведовал он лабораторией химии белка университетского НИИ физиологии им. А. А. Ухтомского и был профессором кафедры биохимии, плотно взаимодействовал (а может, и работал) по иммунным проблемам в ИЭМе. Человек он широко эрудированный, контактный, знающий, и на Белом море усмотрел невероятные возможности для фундаментальной медицины. Людмила Алексеевна тотчас включившись в это обсуждение, заметила, что тут где-то рядом должна находиться

выездная база академического Зоологического института, и ее знакомая неоднократно приглашала посетить ее при случае.

Время было. Штиль, катер с хорошим ходом под рукой, и перед нами в этой крошечной выездной лаборатории открылись невероятные возможности развернуть здесь экспериментальные исследования моря, вторгнуться в изучение молекулярных аспектов фундаментальной медицины. «Хорошо бы нам развернуть все это молекулярное эволюционное дело на нашем будущем медфаке, — вздохнув, произнесла Вербицкая. — Сейчас пока не до того, сил мало, денег нет, да и опыта тоже. Но Мечников-то ведь наш! И иммунитет в жизни каждого — гранитный фундамент», — продолжила Людмила Алексеевна. На следующий день мне пришлось вернуться в университет, надеясь, что иммунный запал может активно работать многие годы. Так оно и произошло.

Разговоры же Вербицкой с Кокряковым продолжились по возвращении с Белого моря. Это и немудрено. Он обладал своеобразным научным магнитом, привлекая собеседника к рассказу о том, над чем он работает. Для нее же это было исключительно интересно в плане иммунного направления медицины. Особенно потому, что для исследований Кокрякова был характерен не просто передовой молекулярный уровень, но и еще даже со сравнительным и эволюционным подходами. Это, пожалуй, самое совершенное, что могла придумать наука в изучении конкретных механизмов возникновения, развития, усовершенствования защитных реакций — фагоцитозе, воспалении, стрессе и т.д. А вот расшифровка этих механизмов и служит основанием к рекомендации в медицинской специальности «Лечебное дело» возможного использования тех или иных препаратов.

Вот какой необыкновенной прозорливостью обладала Людмила Алексеевна даже в далеко не близкой ей научной области знаний. Думаю, что тут никак не могло обойтись без родной и любимой сестры Наталии Алексеевны, профессора, доктора медицинских наук, классического хирурга, известного в стране лимфолога.

События продолжают развиваться. В конце 80-х годов минувшего столетия Минвуз начал кампанию «Болонская система образования». Ректором в ту пору был еще Алесковский Валентин Борисович, Людмила Алексеевна была проректором по учебной работе. Меня назначили возглавлять министерскую общественную комиссию по биологическому образованию (это ровно пятьдесят университетов СССР). Вопрос не только не простой, а и не безответственный тоже. Созвали всех представителей университетов в большом зале биофака МГУ. Приехали все.

Наш университет представлял профессор Игорь Алексеевич Горлинский. Буйствовали целых два дня. Невероятно. Это и понятно: десятки лет «талдычили», что самое лучшее на свете образование — советское, а тут на тебе — еще какая-то «Болония». Я дал возможность выпустить пар страстей и эмоциональных высказываний, а также и разумных мыслей всем, кто хотел это сделать, а иным — даже дважды. В итоге (позвонив и согласовав с Вербицкой) предложил: «Мы хорошо обсудили этот далеко не ординарный вопрос, спасибо всем принявшим участие в обсуждении... Вопрос очень серьезный, исторически знаковый. Давайте не будем торопиться. Примем эту сложнейшую задачу к сведению, вернемся на места, обсудим с коллегами, сотрудниками и вновь встретимся здесь же на Ленинских

горах. Нам дана свобода. Будем ею дорожить». Других предложений не последовало. Проголосовали открыто и хорошо.

Вернувшись, мы сговорились с Игорем Алексеевичем доложить Валентину Борисовичу и Людмиле Алексеевне окончательные результаты совещания более подробно, не откладывая. Прочитав вторую пару общего факультетского курса физиологии, я помчался в спасительную «Восьмерку» чего-нибудь перехватить, коль скоро впереди еще ждала куча дел. Вскочив в преподавательский зал, увидел за ректорским столом подвинутый в ожидании стул. Это было приглашением. Я рассказал о московской встрече и о предложении «принять к сведению и не пороть горячку». Тотчас последовал вопрос:

— Как отнеслись в Минвузе?

— Их представители вместе с заведующим отделом на протяжении всего обсуждения «вкушали» бушевавшие страсти.

Ректором мне в итоге было сказано:

— Спокойно, продолжайте. Это хорошо, — промолвил Валентин Борисович, — ну а нам-то что по-вашему теперь делать?

Возвращаясь из Москвы вместе с Горлинским, мы успели, взвесив все pro et contra, прийти к заключению: ломать — не строить. Но все предварительно проговорили и подготовились к встрече с Вербицкой. Ведь в предварительной подготовке к поездке она-то и предлагала нам этот вариант иметь в резерве и воспользоваться лишь в зависимости от ситуации. Ведь у нас в университете, на зависть многим, поставлено классическое, проверенное столетиями образование. «Есть чем гордиться, — сказала она, — и трогать его не будем, но обязательно следует объявить о возможном открытии новой ступенчатой Болонско-

го уровня шестилетней системы. Пусть выбирают. Это их право. Алесковский согласился.

— Хорошо, действуйте».

По пути в «Восьмерку» я уже договорился встретиться с Людмилой Алексеевной, она назначила встречу в конце дня и просила не откладывать, а позвать и И. А. Горлинского с В. П. Журавлевым. Время показало, что, начав деликатно с биолого-почвенного факультета, спокойно и относительно легко мы перешли к международной, общепринятой теперь многоуровневой системе обучения всего университета. Так что в постсоветский период мы вступили с двумя учебными программами, и многоуровневая программа гораздо больше привлекала внимание абитуриентов. А получилось это главным образом благодаря Людмиле Алексеевне. В этом в первую очередь реальная заслуга проректора по учебной работе университета Вербицкой.

Как я неоднократно убеждался, Людмила Алексеевна превосходно знала историю Академии наук, университета, гимназии. Это редкий случай, как мне кажется, среди служащих нашего учреждения. Хотя, впрочем, существует галерейная экспозиция научных достижений с момента его основания, а фактически, я не сильно ошибусь, — России в целом. Правда, тут близ галереи не хватает Зала нобелевских лауреатов СПбГУ, а их пока 8 (из 21 российских). Залов против галереи много, найти место не так сложно. Там же, на первом этаже, исторический музей-квартира гордости университета великого — Дмитрия Ивановича Менделеева. Тут есть над чем подумать, и это может очень даже пригодиться в будущем в Царскосельском кампусе.

Как здорово звучит: москвичи на Воробьевых горах, а мы в царских парках — Павловском, Баболовском, Екатерининском,

Александровском, да еще на Стрелке Васильевского острова. Перспектива отнюдь не плохая, там же планируется и мощный медицинский комплекс с большим стационаром при соответствующем медицинском факультете, непосредственным создателем которого являлась Людмила Алексеевна с ее разумной командой. В Царском селе хорошая научная аура. Это отнюдь не последнее для учебного заведения дело.

Пример — пожалуйста — Пушкинский Царскосельский лицей. Все помнят со школьных лет истории и рассказы. В середине 50-х (с 1954 по 1957 г.) моя аспирантская общага была в двух шагах от лицея в Пушкине, в Советском переулке, д. 2. И хотя бытовые условия были жуткими во всех отношениях, аспирантов было много, и защитились все, за очень небольшим исключением. Многие стали директорами учебных академических институтов, академиками АН СССР, профессорами, заведующими кафедрами. Это не какая-то там выдумка, это реальность. Остается ждать результатов моего прогноза, и он, как мне кажется, должен быть позитивным.

Но был так и оставшийся нерешенным для Университета и висевший более двух с половиной столетий вопрос о создании медицинского факультета. Мне тоже, как заведующему кафедрой общей физиологии (базы какой угодно медицины — клинической, экспериментальной, ветеринарной, космической, авиационной, подводной и т. д. медицины), пришлось принимать участие в его создании. Конечно, вместе с Людмилой Алексеевной. А чтобы настоящие воспоминания звучали правдиво, убедительно, придется обращаться к истории. Она необходима. Очень кратко перед вами.

Петр I, как известно, получил в юности обычное образование и представление о научном уровне той поры. Однако, оставаясь на протяжении всей жизни человеком умным, любознательным и настойчивым, еще в начале своей эпохи создал возможность подробно и непосредственно с ней соприкоснуться, понять значение и опираться в своей исторической деятельности.

Решительным шагом этого направления явилась «Великое посольство» 1697–1698 гг. в Голландию, Англию и Данию. В этих государствах он изучал и осваивал кораблестроение и навигацию, изучал астрономию, приобщался к анатомии и медицине. В Дельфте вместе с Левенгуком под микроскопом рассматривал биологические объекты и иные материалы. В Гринвичской обсерватории подробно рассматривал Венеру и т. д.

Конечно, встречался с учеными, в том числе с Э. Галлем и И. Ньютоном. Привезенные Петром закупки: большое число книг, инструментов, приборов, глобусов, карт, — свидетельствует о существовании у Петра желания, а может даже и конкретной программы развития науки в стране.

Большую роль сыграли общения царя и с великим немецким философом и ученым Г. В. Лейбницем — организатором научного общества в Берлине. Во время встреч и личных бесед в Торгау, Коребаде, Пирмонте Лейбниц представил Петру научно обоснованную грандиозную возможность превращения России в просвещенную страну. Он также настоятельно рекомендовал царю создать библиотеку, химическую лабораторию, обсерваторию. Не менее важными были и его постоянные настойчивые рекомендации открытия нескольких университетов, организации экспедиций. Особенно его привлекала проблема существования сухопутной связи с Америкой.

Главным связывающим их звеном являлись многочисленные мысли о создании в России «ученой коллегии» — высшего государственного учреждения с широчайшими возможностями и полномочиями. В коллегию, по его мнению, следует ввести представителей разных наук. Каждой из них надлежит собирать достижения, развивать их на основе новых знаний¹.

---

¹ Летопись Российской Академии наук. Т. I, 1724–1802, СПб.: Наука, 2000. 994 с.

Строго говоря, Лейбниц советовал или может быть скорее внушал Петру необходимость создания огромной всеобщей коллегии, объединившей все существовавшее тогда научные сообщества в значительно превосходившее уже созданные в других государствах академии или иные научно-образовательные структуры. Параллельно с Лейбницем проблему эту развивал и пытался заразить царя и его русский сподвижник Ф. А. Салтыков.

Уже в 1714 году Петр сделал в этом направлении решительный шаг к основанию Академии наук. В бурно строящемся городе, сердце которого на Стрелке любимого Васильевского острова, царь открыл первую библиотеку. Ее основу составили 5000 личных книг, рукописи, купленные за границей издания, а также подаренные почитателями. Они выдавались читателям. При комплектовании библиотеки четко прослеживалась научная направленность приобретенного. Тем уже в самом начале Петр дал понять, что это будет начало Академии наук и университета.

Столь же важным в истории создания Академии наук и первого университета является и 1717 год. Тогда Петр поехал в Европу, где в ряде стран встречался с учеными разных направлений и уровня образованности. Их было много. Посетил различные научные учреждения, произвел закупки приборов, механизмов, музейных препаратов, знаменитых анатомических и зоологических коллекций. Последние пополнили петровскую Кунсткамеру и явились в будущем базой в исследованиях создаваемой Академии.

Исключительную роль в создании Академии и Университета сыграла поездка Петра в Париж. Здесь он, не торопясь ознакомился с Сорбонной, Колледжем Мазарини (Колледж де Франс), осмотрел Королевскую (теперь Национальную библиотеку). Особенно внимательно знакомился с Академией наук, ее историей, организационной структурой, долго подробно, вникая в детали, беседовал с разными учеными, бесед было много. Среди собеседников особый интерес для царя представляли директор Парижской обсерватории Ж. Кассини, королевский географ Ж. Делиль, анатом и хирург — известный Ж. Г. Дюверней.

Отдельный специальный трехчасовой визит Петр нанес академику-физику и механику Ж. Тюше. По свидетельству Фонтенеля «... этот монарх, рожденный в столь непроходимом варварстве и с таким даровани-

ем, создатель нового народа, не смог отказаться от того, чтобы повидать в кабинете этого способного человека так много машин изобретенных...». После продолжительных разговоров Петр захотел пить и выпив вина, заставил и Тюше выпить из того же царского стакана, куда он сам же и налил. Такой демократизм русского монарха ошеломил своим впечатлением французских ученых. Петр уехал 22 декабря 1717 г. Все встречи и беседы зафиксированы в специальном протоколе².

В Сорбонне Петр постоянно встречался лично и вел продолжительные беседы с математиками, астрономами, медиками. Обсуждал научные вопросы. Как следует из записей в путевом журнале, он лично посетил лучшего инструментального мастера Л. Шапото, у которого приобрел набор навигационных инструментов и астрономических приборов для будущей Пулковской обсерватории, покупал столь необходимые для ученых книги для будущей Академии наук. Со многими профессорами Сорбонны и Академии у царя возникло взаимно столь близкое взаимопонимание, что он сам пригласил некоторых работать в России, например, Ж. Н. Далиля.

Оглядываясь в прошлое, можно сказать, что этот продолжительный визит в Париж к ученым является специально продуманным. Персональное общение с каждым из них, знакомство с уровнем тогдашней науки и образования сыграло важнейшую историческую роль в развитии нашего Отечества. Именно эта поездка явилась основой к созданию Российской академии наук, структура которой подобна Французской Академии наук. Последняя, как известно, является плодом творения кардинала Ришелье.

19 июня 1717 года по инициативе членов Французской Академии наук Петр I единогласно (высказались все присутствовавшие) был избран членом Парижской Академии наук. Он стал первым и единственным венценосцем членом Академии. Таково было решение академиков.

Между тем, спустя некоторое время возникли трудности протокольного характера из-за того, что ученые пришли сами к такому решению, не согласовав его с королем.

Но академики не испугались, не дрогнули и не отступили от своего решения. И, чтобы избежать каких-либо условностей, 22 декабря того же

---

² См.: *Летопись Российской Академии наук*. Т. I. 1724–1802.

года избрали вновь единогласно Петра I почетным членом Академии. Что правильно сделали³.

Вернувшись из Парижа царь активно продолжал заниматься судьбой будущей Академии. Купленные книги, приборы, экспонаты были специально сосредоточены и выставлены для всеобщего обозрения в доме боярина Кикина, что принято считать началом знаменитой Кунсткамеры.

В этом же 1718 году на Стрелке Васильевского острова начинается строительство специального всемирно известного оригинального здания, в котором предполагалось разместить музей, библиотеку, анатомический театр, астрономическую обсерваторию. Такого отношения к науке и культуре мир еще и не видал. Например, Лондонское королевское общество ютилось в частном доме, работа Парижской Академии наук проходила в Лувре, а Берлинское научное общество вообще располагалось в перестроенных королевских конюшнях.

В осуществлении проекта создания комплекса академических зданий на набережной Невы принимал участие будущий первый президент Академии наук Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост — лейб-медик Петра. Ему-то царь и поручил составить проект Академии. Помощником в делах академических стал у него библиотекарь И. Д. Шумахер⁴. Информация о создании в Петербурге Академии наук и подбор для нее членов заинтересовало многих ученых Европейских государств и активно обсуждалась в переписке.

Отправляя Шумахера со своими поручениями за границу, Петр составил специальную инструкцию, назвав ее «Пункты о том, что библиотекарю Шумахеру через путешествие его в Германии, Франции, Англии, Голландии учинить». В инструкции, к сожалению, ничего не было сказано о разработке устава и регламента Академии. Эта оплошность привела к известным трудностям. Позже трудности были устранены и «Проект» Петербургской академии состоял из 29 параграфов. В них объявлялась сущность создаваемого учреждения: служить науке и ее развитию, служить образованию. Развитие наук — для славы, распространение знания в народе — для пользы

---

³ См.: Летопись Российской Академии наук. Т. I. 1724–1802.

⁴ *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук (середина XVII в. — середина XVIII в.). Л.: Наука, 1974.

Проект не только разъяснил необходимость для России одновременного основания Академии и двух учебных заведений (университет, гимназию), но и целесообразность объединения в одном учреждении, что было выгодно и в экономическом отношении. Академики должны были развивать науки и обучать в университете, а прикрепленные к ним молодые люди, также состоящие на жалованье, преподавать в гимназии. Так университет пополнял бы ряды академиков, а гимназия готовила студентов для университета. «И таким бы образом одно здание с малыми убытками тое же бы с великою пользою чинило, что в других государствах три разных собрания чинят»⁵.

В тот момент, подобного комплексного объединения, не было ни у одной державы планеты. Именно здесь создавалось начальное, и высшее учебное заведение, непосредственно связанное с Академией наук. В нем предусмотрено осуществляются необходимые функции, посредством одних с нею штатов администрации, кабинетов, лабораторий, библиотек.

Отдельным усиливающим положением об университете и гимназии в «Регламенте» сказано: «Россия не может еще тем довольствоваться, чтоб только иметь людей ученых, которые уже плоды науками своими приносят, но чтобы всегда на их места заблаговременно наставлять в науках молодых людей, а особенно, что за первый случай учреждение академическое не может быть составлено иначе, как из иностранных по большей части людей; а впредь должно оно состоять из природных российских. Того рода к Академии другая ее часть присоединяется — Университет...»

Университет есть собрание учащих и учащихся людей. Первые называются профессора, а другие студенты. Сего ради надлежит «выбрать из училищ российских...тридцать учеников способных и знающих уже латинский язык, и оных определить при Академии, дав им жалование и квартиру. А чтоб впредь сие число студентов могло всегда наполняться, то учредить Гимназию, при которой 20 человек молодых людей содержать на коште академическом и годных производить в студенты, а негодных отдавать в Академию Художеств»...⁶.

---

⁵ История Академии наук СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 430.

⁶ См.: Летопись Российской Академии наук Т. I. 1724–1802.

При организации академии наук Петр I пригласил ряд молодых, одаренных, перспективных, уже проявивших свои дарованные природой возможности служения науке и желающих приехать к нам в Россию ученых. Их тщательно отбирали и остановились на привычной для нас дюжине. Одним из них, возглавившим кафедру анатомии и физиологии (фундамента медицины), был Леонард Эйлер.

Нынешний медицинский факультет Санкт-Петербургского государственного университета мог бы стать не только одним из старейших факультетов университета, но и вообще старейшим медицинским учреждением всей необъятной России. Необходимость его создания была очевидна еще Петру I.

На заседании Сената 22 января 1724 г. был рассмотрен Проект положения об учреждении Академии наук, подготовленный по указанию Петра I его лейб-медиком Блюментростом. В этом положении декларировалось создание «Академии и Университета». «В университете 4 факультета имеются, а именно: 1 — фелогия, 2 — юриспруденция, 3 — медицина и 4 — философия»⁷.

Сейчас трудно сказать, что помешало осуществлению проекта, но на два с лишним столетия медицинский факультет остался только замыслом. Предположить, что этому помешали уже имеющиеся медицинские образовательные учреждения? Да их тогда просто не было вообще.

В начале XVIII столетия в Санкт-Петербурге появляются Адмиралтейский и Сухопутный госпитали. В 1720 году открывается Кронштадский морской Адмиралтейский госпиталь. Начиная с 1733 года, когда при госпиталях были созданы госпитальные школы (хирургические училища), начинается систематическая подготовка врачей. В госпитальных школах учили практическому делу, базируясь на преподавании анатомии и хирургии. В 1786 году С.-Петербургские медико-хирургические школы

---

⁷ Уставы Академии наук СССР, 1975.

были отделены от госпиталей и преобразованы в самостоятельное Медико-хирургическое училище, а в 1798 году на его базе была создана Санкт-Петербургская Императорская Медико-хирургическая академия. Следовательно, в момент появления указа Петра и на протяжении многих последующих лет в Санкт-Петербурге не существовало университетского медицинского образования.

Развитие университета определялось Академией наук, поскольку главенство (и право решающего голоса) оставалось за ней. Лекции в университете читались членами академии. Возможно, причиной, которая мешала реализации идеи Петра I, могло стать, выражаясь современным языком, отсутствие лидера, личности, которая осознавала необходимость осуществления этого проекта и которой было бы доверено создание факультета.

Во всех других государствах университеты, как высшие учебные заведения с комплексным подходом в изучении природы и человека, всегда имели в своем составе медицинский факультет. Университетское медицинское образование по объему знаний было значительно, несравненно шире, нежели образование в специализированных медицинских учреждениях. В программу обучения студентов всегда входили физика, химия, математика, естественная история, ботаника, зоология и другие дисциплины. Даже если возникала необходимость подготовки большого количества врачей, и для этих целей создавались новые медицинские институты, необходимость неразрывной связи подготовки специалистов-медиков и университетского образования для всех была очевидна.

Например, в Берлине с целью подготовки практических врачей для прусской армии был учрежден «Медико-хирургический институт Фридриха-Вильгельма». Институт этот был устроен по образцу высших военно-учебных заведений. Однако в течение четырехлетнего курса обучающиеся в институте слушали и лекции профессоров медицинского факультета Берлинского университета наравне с его студентами. Благодаря этому медико-хирургический институт обеспечивал будущим военным врачам практически такое же медицинское образование, какое получали выпускники университета. Одним из выпускников этого института был всемирно известный ученый, создатель учения о клеточной патологии Рудольф

Вирхов. Он считал, что в будущем врачам необходимо воспитывать, прежде всего, естествоиспытателя.

Создание медицинских факультетов в открываемых университетах России было нормой, само собой разумеющимся делом. Через 32 года после высказанного намерения открыть медицинский факультет в Санкт-Петербурге возникает медицинский факультет Императорского Московского университета.

13 августа 1758 года состоялось официальное вступление в должность дуайена факультета, профессора химии, фармакологии и минералогии И. Х. Керштенса, и начались занятия со студентами. На протяжении последующих сорока лет факультет оставался единственным в стране университетским медицинским учебным заведением. Интересно, что многие принципы, которые легли в основу медицинского образования на медицинском факультете Московского университета в той или иной мере сохранились и до наших дней.

На медицинском факультете преподавалось от 10 до 15 естественно-научных и собственно медицинских дисциплин, сгруппированных сначала в четыре комбинированных профессорских курса. Сначала студенты осваивали естественно-научные, затем базовые теоретические, а в заключение — практические врачебные науки. Использовались преимущественно две формы обучения: лекции и диспуты. Практические занятия были предусмотрены по некоторым естественно-научным направлениям (химия, натуральная история) и собственно медицинским (анатомия, фармацевтика). Обучение завершалось итоговым «испытанием» по всем курсам наук медицинского факультета.

Успешно сдавшим выпускной экзамен присваивалось звание кандидата медицины, не дававшее права на самостоятельную врачебную практику. Для его приобретения выпускникам университета требовалось пройти годичную стажировку в Московском военном госпитале и сдать специальный экзамен Медицинской коллегии⁸.

В 1930 году этот факультет был преобразован в 1-й Московский медицинский институт, а в 1990 году — в Московскую медицинскую акаде-

---

⁸ Пальцев М. А., Сточек А. М., Затравкин С. Н. 250 лет Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. М., 2008

мию, теперь это уже университет. Существует еще одна деталь, которая, возможно, объединяет создания этих факультетов, разделенных более чем двухсотлетним периодом.

В начале XIX столетия в России была проведена реформа просвещения. Была создана и начала успешно функционировать система общеобразовательных школ, обеспечивавших необходимую подготовку для университетского обучения, и, соответственно, сеть медицинских факультетов.

В 1804 году по повелению Александра I был основан Казанский университет, в котором было четыре отделения: нравственно-политическое, физико-математическое, словесных наук и, конечно, медицинское. В 1814 году состоялся первый групповой выпуск на медицинском факультете.

С момента торжественного открытия, состоявшегося 17 июня 1805 года, среди четырех первых кафедр Харьковского университета была и кафедра медицинской науки. Эта кафедра, переименованная позднее в факультет, изначально состояла из шести отделов. Первый выпуск врачей состоялся в 1815 году. Факультет заканчивал Илья Ильич Мечников, впоследствии второй лауреат Нобелевской премии России (1908) и нашего университета.

Еще одна попытка организации медицинского факультета в университете была вновь предпринята в начале XX столетия. В 1914 году этот вопрос обсуждался даже уже в городской думе Петрограда, и создание медицинского факультета было поддержано выдающимися учеными, среди которых были И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, В. И. Вернадский и др. Предполагалось, что вопрос будет решен положительно. Однако решение было опять отложено. В этом случае, однако, точно известна причина, отодвинувшая решение этого вопроса на неопределенное время — началась Первая мировая война.

Следует отдельно рассмотреть ситуацию, которая сложилась в молодое советское время в начале 20-х годов XX столетия. Формально тогда был издан приказ Отдела учебных учреждений и Высших учебных заведений Комиссариата по просвещению РСФСР⁹ в связи с милитаризацией

---

⁹ Приказ № 3622 от 23.09.1920 г.

медицинских школ Петрограда и необходимостью резкого увеличения количества врачей о создании в Первом Петроградском университете (так он именовался в тот момент) медицинского факультета¹⁰.

Таким образом, факультет задумывался не как подразделение университета, служащее познанию человека, научному изучению феномена здоровья и нездоровья, а для решения практических задач в то время молодой Советской республики. Оргкомитет медфака был утвержден в октябре, а в ноябре штат факультета и сам факультет в пределах первого курса был утвержден Постановлением Коллегии Народных комиссаров по просвещению (протокол № 4 от 29.11.1920 г.). Руководство факультетом по линии милитаризации осуществлялось Управлением Военного Комиссара медицинских факультетов Петрограда, где он назывался 4-й медицинский факультет Петроградского университета. Просуществовав чуть более полутора лет, факультет был ликвидирован (в июне 1922 года) по распоряжению Главрофобра с переводом 700 студентов в Военно-медицинскую академию.

В советское время (1930 год) все медицинские специальности (как правило) были выведены из структуры университетов.

Следующее официальное обсуждение вопроса о создании факультета вновь возникло в нашем университетском сообществе в середине 80-х годов, когда ректором СПбГУ был избран гордость университета, ученик Л. Д. Фаддеева, молодой и талантливый физик, ставший академиком РАН, Станислав Петрович Меркурьев. Его совершенно неожиданный скоропостижный уход из жизни отложил, но не перечеркнул работу по созданию факультета. Новый избранный нами ректор — Людмила Алексеевна Вербицкая — в 1994 году эстафеты не выпустила и предприняла конкретные шаги для решения этого столь невезучего и никак не поддающегося в течении 270-летних по-

---

¹⁰ Дело № 170, св. 20 «Переписка с НКП РСФСР об организации медицинского факультета.

пытках решения. Дальнейшие события развивались довольно стремительно.

Кто интересовался медфаковской стороной истории нашего университета, тот уже знал о том, что в постсоветское время первым восстановил у себя в составе медицинский факультет третий университет России — Харьковский (после 1991 года — Украина), за ним последовал МГУ, затем зашевелились и мы.

А самое удивительное и, пожалуй, даже главное, — то, что дачи тех, с кем из университетских сотрудников это произошло, оказались не только в одном месте, но даже рядом, на улице Парковой дачно-строительного кооператива «Наука и техника» АН СССР. Это сыграло немалую роль в возникновении нынешнего медицинского факультета.

Кооператив появился по инициативе ближайшего ученика и продолжателя И. П. Павлова академика Константина Михайловича Быкова в начале 50-х годов как раз на самой середине Выборгской железнодорожной магистрали. Место красивое, удобное, густой сосновый лес, кругом озера. По соседству строилась уже нынешняя «Скандинавия», существовало вблизи еще параллельно «Приморское шоссе» — дорога на Выборг, стандартные дачные участки (12–14 соток), стандартные щитовые дома Щ-32 — т. е. 32 м², разрешалось даже благо — печка), два магазина, проточный водоем с прозрачной ключевой водой и песчаным пляжиком. И, главное — нищая по преимуществу научная интеллигенция, в том числе университетская, академическая, вузовская. Участков более 650. Благодать. Хорошая планировка: улицы: Академическая, Инженерная, Парковая и им подобные.

Но свой рассказ я остановлю лишь на одной, самой длинной из них — Парковой. На ней одновременно жили (да и сейчас

наследуют) известные универсанты: Лев Васильевич Огнев — экономист, доцент, проректор по общим вопросам; Алексей Иванович Александров — юрист, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминалистики; Людмила Алексеевна Вербицкая — филолог, проректор по учебной работе, первый проректор, ректор университета, академик РАО; Алексей Иванович Королев — юрист, профессор, декан юридического факультета; Александр Данилович Ноздрачев — физиолог, академик РАН, зав. кафедрой общей физиологии; Станислав Петрович Меркурьев — физик, академик РАН, ректор университета; Людвиг Дмитриевич Фаддеев — физик, академик РАН, зав. кафедрой высшей математики и математической физики СПбГУ, а также и многолетний академик-секретарь отделения математических наук АН СССР и позже РАН.

Вот такой ансамбль «веселых и находчивых». Юристы практически мало участвовали и стремились к общению, Вербицкая пришла в кооператив позже всех, но в силу умения ладить с людьми, особенностей характера, дипломатии, воспитанности и других удивительных способностей, стала душой компании. Главой же был, конечно, Людвиг Фаддеев. Встречались часто, а порой и по необходимости. Летом в период отпусков, как правило более узким кругом, пили чай на веранде у Меркурьевых. Были рассказы, новости (люди много ездившие, видевшие, знающие), обсуждения и, конечно, «медицинский факультет», скоро ставший притчей.

В огонь подлил масла Фаддеев, он в ту пору возглавлял отделение математических наук Академии наук. Вернувшись из Москвы, мы встретились на очередном чаепитии и были просто «ошарашены» его сообщением о том, что москвичи «недолго

думая» открывают в МГУ факультет фундаментальной медицины. Мы так и ахнули. Возглавляет организацию факультета наш ленинградский фармаколог, ученик Артура Вальдмана, молодой профессор Медведев. Не удержавшись, я выпалил:

— Олег?

— Да, — сказал Людвиг, — он Вас хорошо знает.

— Это понятно. Его жена Наталья профессор такой же кафедры как моя, но в МГУ. Наши коллективы дружат, общаются испокон веков. А мы с Олегом знакомы даже близко. Нет проблем. Это был старт.

Вскоре была собрана необходимая информация и дело создания медфака реально двинулось. В этот период весьма реальную помощь своими советами, рекомендациями оказала, как всегда, младшая сестра Людмилы Алексеевны Вербицкой — Наталья Алексеевна Бубнова. Она как раз в 1992 году, работая в 1-м Ленинградском медицинском институте, защитила докторскую диссертацию и вскоре создала целую авторитетную и исключительно продуктивную школу клинической лимфологии.

Вот бывают в жизни такие моменты, когда неожиданно-негаданно, совершенно неожиданно сваливается с неба простое решение вопроса или даже проблемы. Там же на даче в Горьковской, в сотне метров от нас поселился генерал-майор медицинской службы, начальник кафедры военно-полевой хирургии ВМА, член-корреспондент АМН СССР Игорь Александрович Ерюхин, с которым мы были давно и близко знакомы. И вот он-то неожиданно меня тоже озаботил своим вопросом — знаю ли я, что москвичи создали факультет фундаментальной медицины.

— Да, говорю, — знаю.

— Но, наверное не знаешь, что два наших генерала (лейтенант и майор) обсуждают идею создания подобного факультета фундаментальной медицины у вас в ЛГУ.

— И кто же эти «генералы-разбойники?»

— Член-корреспондент АМН СССР Владимир Олегович Самойлов и В. Г. Владимиров. Они очень хотят встретиться с тобой (ты ведь возглавляешь общество физиологов, биохимиков и фармакологов Ленинграда и историческую университетскую кафедру?).

— Так Самойлов же меня знает. Но стесняется, а может бояться отказа, просит меня посодействовать.

Созвонились, договорились, и я попросил его еще прихватить для первого разговора программку типа плана-проспекта.

Встретились, очень хорошо поговорили без регламента. У Самойлова помимо ВМА был еще за плечами технический вуз — Институт авиационного приборостроения (ЛИАП), посетив первое, что мне бросилось в глаза в плане-проспекте — и сопротивление материалов, и математические расчеты, включая высшую математику и прочие относительно далекие от медицины технические вещи. Не понравилось и многое другое. Разговор происходил в Петергофском комплексе, где было заседание, как это обычно принято перед началом нового учебного года, почему именно там, просто не знаю, а начался на Балтийском вокзале.

Возвращались мы уже вчетвером. Присоединились к нам биофизики: зав. кафедрой проф. В. Г. Павленко и доцент А. В. Лонский. Опуская нюансы и подробности, я сказал, что существует две медицины: клиническая и экспериментальная. Факультет будет заниматься подготовкой специалистов по го-

сударственной программе «Лечебное дело». Говоря проще — восстановлением здоровья. Заболел — восстановить, чтобы поправился. Научный же поиск, то бишь «научное дело», — это прежде всего эксперименты на лабораторных животных, или специальные лабораторные наблюдения. Ни в одном государстве планеты, за исключением извергов Освенцима, Бухенвальда и других мест, экспериментов на людях не производится. «Наградой» для этих мерзавцев стали Нюрнбергские процессы (большие и малые).

Эксперимент — это фундамент клинической медицины. А чтобы было убедительно, я кратко рассказал собеседникам, что даже в 50-е годы, а еще раньше — тем более, можно было довольно часто встретить (особенно в учебных заведениях) молодых людей с двигательными нарушениями, едва передвигавшихся и т. д., но с хорошей речью, превосходным мышлением, правильными даже историческими глобальными решениями и поступками. Это была вирусная инфекция — *полиомиелит* (кстати, в 1938 году президент США Рузвельт благополучно перенес это страшное заболевание, но передвигался с большим трудом. Между тем, он сыграл, существеннейшую роль в нашей Победе). Так вот, продолжаю... Три года после кандидатской я отработал под крылом у прямого павловского ученика медицинскому академику Д. А. Бирюкову в его ИЭМовском отделе сравнительной физиологии нервной деятельности.

Одно из направлений работы моих лабораторных коллег состояло в выяснении на низших обезьянах макаках ряда механизмов взаимодействия коры головного мозга и сердечно-сосудистой системы. Здесь же, в штате ИЭМа был большой и исключительно сильный отдел вирусологии, который возглавлял

медицинский академик Анатолий Александрович Смородинцев. Он-то со своим коллективом и бился тогда над созданием эффективной полиомиелитной вакцины. (Замечу, непосредственно рядом с ИЭМом, без забора и каких-либо преград, находился активно работающий тогда Институт вакцин и сывороток.) Вирус оказался чудовищно капризным и не хотел расти ни на какой культуре. И вдруг — открытие: превосходный рост, но только на обезьяньих почках и ни на чем ином. Сразу сыворотки, тотчас вакцина, все, что в таких случаях положено. И награда — Ленинская премия. А самое главное — здоровье человека. Вот такая история. Как раз к концу встречи по вагонной трансляции прозвучало: «Наш поезд прибывает на Балтийский вокзал», и я сказал генералу, что, не откладывая в «долгий ящик», тотчас же доложу Людмиле Алексеевне о его желании обсудить с ней медфаковский вопрос. «Человек она разумный и откладывать рассмотрение этого важного дела не станет. А вы готовьтесь, будет жарко».

Конечно, вечером был подробнейший разговор с деталями, включая даже вагонный «квартетный» почти часовой вариант — продолжение с участием биофизиков и биохимиков. «Конечно, — сказала Вербицкая, — отказывать не следует. Давайте послушаем их числа 2-го (октября), где-нибудь во второй половине в Белом зале, внизу. А Вас я попрошу позвать профессуру физиологов, биохимиков, биофизиков и иных специальностей. Другие учреждения напрягать пока не стоит. Успеется».

Я все сделал, составил перечень приглашенных, согласовал его с Людмилой Алексеевной, были на заседании практически все. Вот их перечень:

- директор биологического Института ЛГУ, зав. кафедрой зоологии беспозвоночных проф. Д. В. Осипов;
- директор института физиологии им. А. А. Ухтомского ЛГУ д-р биол. наук В. Г. Галанцев;
- зав. кафедрой ВНД, академик РАО, проф. А. С. Батуев; проф. каф. А. Куликов; проф. каф. А. Васильев;
- зав. кафедрой биофизики профессор В. К. Павленко; доц. кафедры А. В. Лонский;
- зав. кафедрой биохимии профессор Е. Г. Скворцевич; проф. каф. Н. Д. Ещенко, зав. лаб. химии белка, проф. В. Н. Кокряков;
- зав. кафедрой физиологии растений профессор В. В. Полевой; профессор каф. С. С. Медведев;
- зав. кафедрой геоботаники профессор В. С. Ипатов;
- зав. кафедрой генетики и селекции чл.-корр. (позже академик) РАН С. Г. Инге-Вичтомов;
- кафедра общей физиологии. проф. каф. И. А. Баранникова; проф. каф. А. И. Константинов проф. каф. В. П. Лапицкий.

Назначенное обсуждение состоялось. Докладывал Самойлов, присутствовал еще и его соавтор В. Г. Владимиров. Регламента не было, и перерыва тоже. Собрание было невероятно бурным... с многочисленными вопросами, замечаниями, высказываниями и, конечно, профессиональными, довольно подробными выступлениями, рассуждениями, оценками, предложениями и т. д. специалистов-физиологов, биохимиков, биофизиков. Особенно неистовствовали представители кафедры физиологии высшей нервной деятельности, фундаменталисты, классические сенсорщики, классические биологи.

Факультет, безусловно, необходим. Так говорили все. Это однозначно. А вот какой факультет? Если это будет ординарный, т. е. лечебной клинической медицины — это одно. Таких факультетов хоть пруд пруди. Понятие «фундаментальной медицины». Фундамент медицины — это преимущественно эксперимент, эксперимент на человеке — это величайший криминал. Я долго «шевелил мозгами», обсуждая этот вопрос с коллегами, и пришел к заключению, что ведь можно создать факультет оригинальной конструктивной направленности, назвав его «Факультет лечебной и экспериментальной медицины» с двумя специализациями. Будет вроде того, как в старинной русской сельской притче: «И волки сыты, и овцы целы»... Но самое удивительное — у меня в этом плане оказался исключительно подходящий единомышленник. На него можно было положиться, и ему было можно доверять.

...Возникла пауза. То ли устали, то ли задумались? Да и сам-то я порядком одурел от духоты и эмоций коллег. И тут, как ни в чем не бывало, Людмила Алексеевна: «И кто же этот единомышленник, если не секрет?» — «Не секрет. 11 июня 1992 года его избрали академиком нашего отделения физиологии Российской академии наук». Вербицкая: «О! Это очень даже неплохо!» Продолжаю «...доктор биологических наук». Вербицкая мгновенно, без запинки: «Не подходит, тут нужны “Медицинские науки”».

Я: «Согласен, но он еще и на предыдущем этапе научного роста — кандидат медицинских наук, член-корреспондент АН СССР, а теперь уже полный академик РАН. Это Юрий Викторович Наточин».

Кстати сказать, медицина является частью, т. е. одним из направлений биологии. А вот, говорю, в старое еще дорево-

люционное время, было даже принято, и к тому многие медики стремились к присуждению именно высшей степени — уже «биологических наук». Примеров тому масса, но, пожалуй, наиболее яркий из них, таков. Знаменитейший физиолог, любимый ученик и непосредственный продолжатель дела отца российской физиологии Ивана Михайловича Сеченова, начальник Медико-хирургической академии (первое ее название), был, хотя и медиком по образованию, но докторская степень у него была биологической (как у Наточина). Виктор Васильевич Пашутин очень даже этим гордился. Так было тогда принято.

Что же касается моего коллеги Наточина, то он закончил Новосибирский медицинский институт, благодаря способностям приобщился к делам научным, попав под крыло известнейших ученых С. С. Юдина и А. Г. Гинецинского, затем прошел в Институте эволюционной физиологии АН СССР у нас в Ленинграде аспирантуру у академика Леона Абгаровича Орбели (любимого, преданного ученика-преемника И. П. Павлова), там и продолжает сейчас ведать экспериментальной лабораторией. Так что павловский внучатый научный продолжатель. Может де-юре это звучит не столь понятно, но факты ведь вещь упрямая. А факт налицо. И вновь Вербицкая без латенции: «А можно его телефон? — Пожалуйста, думаю, он будет даже рад. Он сегодня дома».

Я только переступил домашний порог, супруга: звонил Юра, что-то волнуется, очень просил...и тут, как обычно это бывает, вновь звонок и первая фраза после приветия. «Это ты меня заложил?» Отвечаю: «Я, а кто ж еще мог... а ты разве против? — Спасибо, ну что ты?! Мы очень хорошо поговорили с Людмилой Алексеевной, она ведь филолог, а как ориентируется-то в медицине! — Профессионал!» Дальше обменялись информацией,

впечатлением от обсуждения генеральского проекта и т. д., а затем, вдруг, неожиданный поворот разговора — «...ну, положим, пройдет проект, но я же совершенно не знаю вашей университетской очень даже не простой кухни: кто, что, где, какой...». Да не ломай ты, говорю, голову, факультет университету необходим. А если так, будет и помощь. В том числе и моя тоже.

«Я тебе порекомендую хорошего парня: физиолог, университет, исключительно способный, кандидат наук, дисциплинированный, не скандальный, за плечами полный армейский срок, да и еще комсомольское секретарство на факультете, работа в комитете комсомола университета, ленинградец, из интеллигентной, как и ты, семьи, не пьет, не курит, на полпути — висцеральная докторская...» И вдруг, Наточин своим вопросом производит попытку отравить меня «в нокаут!» — «А чего же ты отдаешь такого хорошего?». Я устоял и спокойно отвечаю: «Понимаешь, у него, как и у нас с тобой, — семья, двое детей, кооперативная квартира и м.н.с-овское «необъятное и невероятное» жалование. А дальше сам думай... я не избавляюсь от него, а помогаю и университету, и тебе, и ему. И его никогда не брошу. Это Александр Георгиевич Марков».

Так возник превосходный тандем. Они нашли друг друга. Людмиле Алексеевне такой вариант тоже очень даже пришелся по душе. Факультет получился. (Марков давно профессор, мой преемник по кафедре общей физиологии.) В 2012 году он издал в документах все этапы создания ректором Вербицкой медицинского факультета СПбГУ. В книге много имен. Автор считал своим долгом упомянуть каждого, кто внес вклад в становление факультета. Только бескорыстная помощь этих людей в очень трудные для развития страны годы, когда многое из ранее не-

зыблемого разрушалось, помогла создать медицинский факультет. Очерк имеет, скорее, хронологический характер, поскольку Марков хотел просто представить канву тех событий и мотивы принятых решений. В тексте книги уйма документированных шагов создания Людмилой Алексеевной факультета.

2 сентября 1994 года Вербицкая позвонила Наточину, встреча состоялась, итогом чего явилось предложение в числе других кандидатов участвовать в конкурсе создания медицинского факультета. В сентябре он выступил на заседании комиссии, которую возглавлял проректор по науке, физик, профессор В.Н. Троян. На предыдущем заседании слушался доклад и другого претендента (Самойлова). После подробного рассмотрения и обсуждения обоих предложений комиссия отдала предпочтение проекту Наточина и рекомендовала кандидатуру академика к рассмотрению на большом ученом совете университета. Итог известен. Юрий Викторович стал деканом-организатором медицинского факультета.

В июне 1995 года ректор Санкт-Петербургского университета, академик РАО Л.А.Вербицкая издала приказ об открытии медицинского факультета для реализации профессиональной образовательной программы подготовки выпускников по специальности 04.01.00 «Лечебное дело». За эти шесть замечательных лет было сделано следующее.

Создана и полностью воплощена в жизнь концепция медицинского факультета СПбГУ; в полном соответствии с государственной программой по специальности «Лечебное дело» организован учебный процесс, проведен первый выпуск и получена государственная аккредитация Университета по данной образовательной программе.

Создана разветвленная система клинических баз факультета в ведущих больницах города, а также исследовательских институтов Министерства здравоохранения РФ; создан новый учебный план, обеспечивающий получение фундаментального образования по естественно-научному и гуманитарному блокам; создана система привлечения студентов к научной работе, включающая в себя малый медицинский факультет, выполнение курсовых работ, организацию научных семинаров, проведение ежегодной научной конференции и т. д.; получено и приведено в порядок здание медицинского факультета, обеспечены условия для финансовой основы стратегического развития факультета.

Следует отметить, что создание медицинского факультета проходило в трудные для государства годы, в условиях отсутствия финансирования образовательной деятельности.

Первый выпуск 25 врачей состоялся в начале июля 2001 года. Председателем ГЭК был будущий премьер-министр России Д. А. Медведев.

Мы с полным правом можем (и, конечно, следует) называть медицинский факультет любимым детищем Людмилы Алексеевны Вербицкой. Два без малого прошедших десятилетия — срок немалый. Он объективно указывает на постоянно растущий спрос университетских выпускников-медиков.

Мне кажется, что не лишним было бы подумать о создании на факультете двух, а может, даже и больше специализаций, назвав их отделениями: «Лечебное дело», «Педиатрия», «Геронтология», «Экспериментальная медицина». Вот тогда это и будет соответствовать названию «Факультет фундаментальной медицины», к которому многие так стремятся.

Осень 2002 года — пора совсем необычная для 278-летней годовщины Санкт-Петербургского университета. Необычная, почти как близкая всем нам своим интеллектуальным потенциалом и гениальными творениями знаменитая пушкинская «Болдинская осень». Однако известной на сей раз осень станет своими памятниками. Только что на филологическом дворе установлены скульптура Александра Блока и «Читающий принц», немного позже на набережной напротив университета у места въезда на бывший Исаакиевский мост — монумент «Открытая книга». И вот теперь в одном из уютных двориков Главного здания, у экспериментального корпуса биофака рядом с ботаническим садом, вивариум вырос еще и необычный в своем роде памятник. «Да кому? — Кошке. — Мурочке, что ли?».

Кошка еще три с половиной тысячи лет назад была уже одним из наиболее близких домашних животных, и почитание ее персоны было столь велико и продолжительно, что созданный культ кошачьей личности составлял целых два тысячелетия. Отменен он был лишь незадолго до новой эры. Гомер утверждал, например, что граждане Коринфа воздвигли огромную скульптуру, представлявшую кошку, сидящую на задних лапах. А вот иудеи, напротив, испытывали такое отвращение к кошкам, что даже категорически запрещали детям подходить к ним близко. Во времена инквизиции кошки считались посланниками сатаны, помощниками ведьм. Особенно досталось черным представительницам кошачьего рода. Они-то и стали главными жертвами. Толчком к росту популярности животного в Европе явились эпидемии заболеваний, возбудители которых переносились грызунами. На Британские острова кошку завезли римляне.

Кошка — независимое существо. Она любит свободу, гуляет сама по себе. Союз кошки и человека представляет собой драматический биологический компромисс, приведший к тому, что кошка отказывается от дикого затворничества ради компании человека. При этом кошка медленно и верно отвоевывает у собаки право называться самым любимым домашним животным. Вместе с тем более 50 % кошек мира ведет бродячий, нищенский образ жизни. Поэтому одной из задач общества является создание условий для сносного существования этих бездомных бедолаг. Кошки настолько запрограммированы на выживание, что их чрезвычайно трудно дрессировать.

Большинство наций воздвигает памятники, мемориалы или триумфальные арки войны и бронзовые выражения почитания героическим баталиям. Настоящий университетский монумент иного рода. Это прежде всего дань уважения, благодарности и покаяния. Это памятник-покаяние. Ведь кошка, помимо целого ряда исключительных качеств и достоинств, является еще классическим объектом в руках умелого экспериментатора. Именно она подарила человечеству массу открытий в кардиологии, нейрофизиологии, сенсорных и др. системах. Именно благодаря ей были созданы представления о структуре и механизмах функционирования сердечно-сосудистой системы, interoцепции, синаптической передаче, проводящих путях и взаимодействии ядерных структур мозга, представительства в коре больших полушарий мозга висцеральных органов и целых систем, а также многих других первостепенных открытий. За все это человечество обязано кошке сотнями миллионов спасенных жизней.

Во внутреннем дворе зданий «Двенадцати Петровских коллегий» Стрелки Васильевского острова на высоком двух-

метровом постаменте из полированного гранита установлена теперь скульптура беспородной домашней кошки. Это красивое животное метровой высоты из черного полированного габродиабаза (одна из разновидностей гранита) спокойно сидит на высоком постаменте и спокойно, прикрыв глаза, взирает на нас сверху.

Идея создания и воплощения в жизнь монумента принадлежит заведующему кафедрой общей физиологии университета. Композиция памятника разработана петербургским скульптором профессором Анатолием Демой, автором многочисленных работ (достаточно упомянуть хотя бы его кораблик перед гостиницей «Санкт-Петербург») и архитекторами Сергеем Михайловым и Николаем Соколовым.

Фасадная сторона постамента украшена стихами Александра Сушко:

*«Загадочней друзей всех и зверей,
Царица быта и гроза мышей,
Сама в себе и ни о чем не тужит,
И не поймешь: наука служит ей
Или она науке служит...»*

Нельзя также не согласиться с выбитыми на том же постаменте полшуточными изречениями Бернарда Шоу: «Человек культурен в той мере, в какой он понимает кошку». Действительно, без наших усатых друзей жизнь была бы явно неполной. Их урчание при встрече с хозяином даже после короткой разлуки, способность по одному только тону голоса понять человека, едва ли могут оставить кого-либо равнодушным. Еще одно изречение постамента принадлежит Конраду Лоренцу: «Кошка — самое гордое и самое честное из всех наших домашних

Монумент-покаяние подопытной кошки с Людмилой Алексеевной открыли 14 ноября 2002 года года, хотя планировали осуществить это в конце октября. Однако сорвалось. В то время в Москве, в театральном центре на Дубровке темные силы проводили совсем другие эксперименты — уже над людьми.

Памятник был открыт 24 ноября 2004 года под звуки «Гимна Великому городу», и четко печатаемого марша почетного караула Военно-медицинской академии. Открывала митинг ректор СПбГУ академик РАО, профессор Людмила Алексеевна Вербицкая. После приветственных слов она предложила спустить покрывало и представить памятник на общее обозрение.

животных». Тут, как говорится, комментариев не требуется. Конечно, и другим видным представителям человечества было что сказать о семействе кошачьих. Например, тот же петербургский поэт Александр Сушко, чьи емкие слова также выгравированы на памятнике, считает: «...что символом спокойствия планеты является спокойствие кота».

Памятник кошке — знак покаяния и благодарности. В свою очередь, это еще и обращение к грядущим поколениям экспериментаторов-физиологов, медиков, ветеринаров. Будьте гуманны к братьям нашим меньшим, не отступайте ни на шаг от постулатов Хельсинской конвенции обращения с животными, максимально пользуйтесь возможностями технического моделирования.

Памятник задуман и осуществлен Санкт-Петербургским университетом. В тоже время в его создании непосредственное участие принимали сотрудники Института физиологии имени И. П. Павлова РАН, Института эволюционной физиологии и биохимии имени И. М. Сеченова РАН, Института мозга человека имени Н. П. Бехтеревой РАН, Института биорегуляции и геронтологии РАМН, Эндокринологического научного центра РАМН (Москва), клуба любителей кошек «Фелис», газеты «Из рук в руки» а также В. Ю. Беляйкин, М. Л. Гиршенович, В. П. Лебедев, Е. Л. Поляков, В. В. Окрепилов, В. В. Раевский, М. С. Рудницкая, М. П. Рощевский, И. Б. Ушаков, А. М. Финкельштейн, В. А. Черешнев.

На открытии монумента присутствовало большое число зрителей, представителей научной общественности Санкт-Петербурга, студентов, школьников с плакатами, членов клуба любителей кошек «Фелис», было много музыки и многочислен-

ная пресса. Вечером 14 ноября практически по всем каналам телевидения можно было увидеть процедуру открытия памятника. Об этом событии вспомнил и сайт «Фонтанка.ру» в интернете.

Во вступительной речи на открытии монумента нашему доброму домашнему другу кошке Людмила Алексеевна Вербицкая отметила, что кроме исторической ценности и культурного достоинства памятник-покаяние будет служить также еще местом встреч и свиданий: «На площади у Кота». Кстати, памятник этому величественному животному был представлен истории под именем Василисы (Васильевны) Василеостровской.

Я же в своем выступлении подчеркнул, что «человечество обязано быть бесконечно признательным кошке, подарившей миру великое множество первостепенных открытий в физиологии...». Эти же слова высечены и на постаменте памятника. Далее рассказал, что мои ранние работы по изучению структурно-функциональной организации автономной (вегетативной) нервной системы были связаны с наблюдениями на кошках: конструкция их мозга, а главное — многие механизмы, чрезвычайно похожи на механизмы работы человеческого мозга. Эти и многие другие особенности кошачьего организма сделали животное излюбленным объектом наблюдений физиологов, фармакологов, патологов, а также представителей других биологических, медицинских специальностей и целых направлений.

Монумент-покаяние подопытной кошке мы с Людмилой Алексеевной открыли 14 ноября 2002 года, хотя планировали осуществить это в конце октября. Однако сорвалось. В то время в Москве, в театральном центре на Дубровке темные силы проводили совсем другие эксперименты — уже над людьми.

Памятник кошке в Санкт-Петербургском государственном университете, как и поставленный в 1935 году И. П. Павловым памятник собаке (вместе и с помощью которой он сделал немало открытий, в том числе свои знаменитые условные рефлексы) в Институте экспериментальной медицины на Петроградской стороне, а еще раньше, великим французским физиологом Клодом Бернаром в Сорбонне, — лягушке, как лабораторному животному, — примеры продолжения гуманистических традиций минувшего столетия.

И еще один момент. Следует отметить, что в преддверии 300-летия Петербурга в развитие городской среды, художественного образа города включались не только банки, но и бедная ныне научная интеллигенция. Деньги на «памятник-покаяние кошке» собирались нами много лет. Когда в первый раз накопили («Бюджетных или как?», — полусшепотом спросила ректор, на что я быстро ответил: «Мир не без добрых людей», и Вербицкая тут же без запинки продолжила: «С миру по нитке — памятник кошке») нам просто не разрешили «прославить какого-то кота», хотя во многих странах давно существовали скульптуры «во славу братьев наших меньших», помогавших науке. А вот Людмила Алексеевна и спрашивать позволения ни у кого не стала. «Вперед, Данилович (это она обратилась ко мне), — не дрогнем, — для кого-то какой-то кот, а для нас — необходимейшее и ценнейшее лабораторное животное и очень даже любимое (с детских лет)». И все это образовывалось, организовывалось, воплощалось с неременным участием незабвенной Людмилы Алексеевны.

В жизни Людмил Алексеевны было много встреч, событий, памятных достижений, заслуживающих внимания. К их числу с полным правом следует отнести 100-летие первого присуждения Нобелевской премии по физиологии в номинации «Физиология или медицина». Это произошло 7 октября 1904 года. Им стал физиолог Иван Петрович Павлов.

Выпускник нашего университета, кафедры, почетный профессор университета, первый вообще Нобелевский лауреат необъятной России. И в этой же номинации — даже в целом планеты Земля. Это наша гордость. (Сейчас у нас в России, включая все направления, 21 Нобелевский лауреат, из них 8 наших университетских.)

Так вот, удивительно, что после присуждения Павлову Нобелевской премии близилось столетие, а после его кончины — без малого 70 лет. Оказалось, что никаких знаков, увековечивающих имя величайшего исследователя планеты ни в бронзе, ни в граните на городских площадях и скверах Петербурга, Петрограда, Ленинграда, где прошла вся его научная жизнь, не было (между тем, за рубежом их было достаточно много).

Признавая исключительные заслуги академика Павлова, классика естествознания, ученого с мировым именем, Совет народных комиссаров СССР в целях увековечения его памяти в 1936 году тотчас после кончины Павлова (опубликовано во всех газетах — Правда, 1936, 28 февраля, № 58, С. 1; Известия, 1936, № 50, С. 1 и пр.) постановил: «воздвигнуть на одной из центральных площадей в Ленинграде монументальный памятник И. П. Павлову, поручив исполнение этого постановления Ленинградскому совету. Постановление (подписанное двумя лицами — Сталин, Молотов) было, а вот памятник так и не поставили.

Как заведующий кафедрой, подарившей миру Ивана Петровича, я начал активно думать о предстоящих в связи с юбилеем мероприятиях. Пошел к Людмиле Алексеевне, спокойно и взвешенно обсудили. Но с памятником сначала вышел конфуз. «Да есть же памятник в Колтушах», — воскликнула она. — Я там жила, знаю». Тут в свою очередь я вновь продолжаю: «Во-первых, Колтуши — это Всеволожский район области, а не города, во-вторых, это весьма скромный, ординарный лишевский (фамилия скульптора) памятник Павлова в хирургическом халатике с собачкой у правой ноги, а не необходимый и подходящий для этого случая по крайней мере шедевр». На том и порешили. В этом вся Вербицкая: быстро, четко, разумно и главное — результативно.

Решение было принято, создана команда. Помогали и работали с большим энтузиазмом все. Университет во главе с Людмилой Алексеевной, Институт физиологии им. Павлова РАН, Военно-Медицинская академия. Но особую роль сыграли мои непосредственные ученики — Александр Валентинович Гнетов, Евгений Львович Поляков, коллеги-академики Михаил Александрович Пальцев, Михаил Павлович Рощевский, Игорь Борисович Ушаков, Валерий Александрович Черешнев и многие другие, а также отделение физиологических наук РАН, Российское общество физиологов им. И. П. Павлова РАН и др.

Выбранное мною место для установки памятника (не поленились, продолжая разговор, вместе с Людмилой Алексеевной сходили сразу посмотреть и решить, ведь дело то архиважное и ответственное): оно тут же, рукой подать — в центре Стрелки Васильевского острова, на аллее Тифлисской улицы, между зданием исторического и философским факультетов с север-

ной и Институтом физиологии им. И. П. Павлова, библиотекой Академии наук с южной стороны. Упирается улица в площадь Сахарова, где университет традиционно проводит ежегодное посвящение в студенты.

«Место выбрано удачно, — сказала она, — с глубоким смыслом. Теперь дело за разрешением и исполнителями. — С исполнителями все в порядке, да Вы, Людмила Алексеевна, их знаете, они же нам “кошку-покаяние” подарили, что во дворе Коллегий. Это скульпторы и архитекторы высочайшего класса. — Что да, то да. А Вы сейчас куда? — К себе на кафедру. — А, есть еще минут 10–15? — спросила она. — Я бы, пожалуй, успела заглянуть на свою, а заодно полюбуемся и погладим черную мраморную Василису Васильевну Васильеостровскую, пойдемте через двор!»

Пока шли, я рассказал, что создание монумента можно поручить профессору Анатолию Гордеевичу Деме и Виктору Онежко, архитектором позвать Игоря Билибина. Мы уже с Демой предварительно прикинули, что памятник должен быть из бронзы на гранитном основании высотой четыре с половиной метра. Это оригинальный, непривычный скульптурный портрет ученого. Позже создатели памятника представили первого Нобелевского лауреата России не седым старцем, каким мы привыкли его видеть на нестеровских полотнах и фотографиях, а в период расцвета научного дарования, когда именно и была вручена Ивану Петровичу Нобелевская премия.

Есть и еще одна особенность. На лицевой стороне поста-мента будут отлиты в бронзе не годы жизни Павлова, а год при-суждения ему Нобелевской премии. Далее здесь:

Геральдическая памятная надпись
Бронзовый лавровый венок с орлом в венке:

*Первому
Нобелевскому
Лауреату
России
1904
Ивану Петровичу
Павлову*

На тыльной стороне пьедестала памятника пластинка. На ней будет выбито:

*Наука... составляет первенствующую силу
в человеческой жизни*

и дальше еще согласовывается: памятник сооружен по инициативе... и т. д.

Людмила Алексеевна остановилась, судя по всему, еще раз подумала, и произнесла: «Пожалуй, годится — четко, логично, конкретно». И вдруг — неожиданный вопрос: «А сколько у нас сейчас в университете нобелевских лауреатов?» Отвечаю: «Восемь пока, ждем-с. — О! Великолепная восьмерка! Да, — говорю, — еще какая: физиологи И. П. Павлов, И. И. Мечников, химик Н. Н. Семенов, физики — Л. Д. Ландау, А. М. Прохоров, экономисты — В. В. Леонтович, Л. В. Канторович, поэт И. А. Бродский».

Мы тоже еще при подготовке проекта и не раз обсуждали этот вопрос. В результате чего у меня родилась мысль: а если нам повезет и удастся получить разрешение на установку памятника первому нобелевскому лауреату, то есть шанс превратить Тиф-

лисскую улицу-бульвар в Аллею нобелевских лауреатов СПбГУ. Деньги и на Павлова соберем. Мир не без добрых людей, они нас уже выручали, вспомните хотя бы наш памятник-покаяние кошке. Сказано — сделано.

Подготовив, согласовав и подписав у Людмилы Алексеевны Вербицкой и Жореса Ивановича Алферова все необходимые документы, я направил их на рассмотрение губернатору Валентине Ивановне Матвиенко. Спустя несколько дней последовало приглашение. Мы спокойно, хорошо, а главное результативно поговорили, были вопросы (даже не простые), были и ответы. В итоге — «Подготовить разрешительную документацию». Подпись — Матвиенко.

Уже следовало благодарить и покидать Валентину Ивановну, и я вдруг заговорил об Аллее нобелевских лауреатов университета и чувствую, что разбудил у нее воспоминания о годах комсомольской молодости (Первый секретарь Обкома комсомола Ленинграда). Это ведь какой престиж, сказала она, и как важно для молодежи, студенчества. Подумать только! Историческая Стрелка, Академия наук, университет, кругом на Стрелке фундаментальные академические институты: физический, химический, биологический, Пушкинский дом, Академическая библиотека, Кунсткамера, да еще в довершение и придворный царский родильный дом (институт Академии медицинских наук). «Здравствуй племя молодое, незнакомое!...». Очень стоящая идея, не бросайте, произнесла она, прощаясь.

Отдельно хочу сказать о том постоянном внимании и особенно понимании исторической значимости выбранного нами с Людмилой Алексеевной места для памятника Павлову, с которым отнеслась к нашим делам губернатор Валентина Ивановна

Матвиенко. Мы очень ей благодарны и постоянно поминаем добрым словом ее разрешение.

Спустя несколько лет в Москве мы с ней, теперь уже по ее инициативе, вновь вернулись к тому самому вопросу. «Как там памятник Павлову поживает и с ним Аллея?» — спросила она. Я ответил. «Кстати, ему — не помню фамилии (Дема — река в Башкирии, он оттуда родом) скульптора, но помню памятник на Аллее, присвоено звание Народного художника-скульптора России. То-то я смотрю, стали там городские двухэтажные экскурсионные автобусы останавливаться».

Памятник был открыт 24 ноября 2004 года под звуки «Гимна Великому городу», и четко печатаемого марша почетного караула Военно-медицинской академии (ВМА). Открывала митинг ректор СПбГУ академик РАО, профессор Людмила Алексеевна Вербицкая. После приветственных слов она предложила спустить покрывало и представить памятник на общее обозрение. Это было поручено академикам РАН А. Д. Ноздрачеву, М. А. Пальцеву и с. н. с. Е. Л. Полякову.

Далее выступили вице-губернатор Сергей Борисович Тарасов, академик-секретарь отделения биологических наук РАН, академик Анатолий Иванович Григорьев, начальник Военно-медицинской академии, член-корреспондент РАМН, генерал-лейтенант Борис Всеволодович Гайдар. Затем предоставили слово мне, как заведующему кафедрой, ранее воспитавшей Ивана Петровича и давшей ему путевку в научную жизнь, а также и одному из инициаторов создания открываемого памятника.

После принятых приветственных и благодарственных слов я сказал, что все предложенные Павловым методы направлены на единую цель — познание и восприятие организма как цело-

го. Более того, он четко предвидел пути развития физиологии. Ее будущее он представлял в виде изучения молекулярных механизмов, т. е. той физиологии, которая должна сменить нашу современную физиологию и которую можно считать предвестницей последней ступени науки о жизни — физиологии живой молекулы. И тем не менее, со свойственной ему твердостью отстаивая своих взглядов и убеждений, он считал, что изучение физиологии целостного организма во всех его проявлениях является главным стратегическим направлением науки.

К столетию со дня присуждения Ивану Петровичу Нобелевской премии вышла в свет трехтомная монография «И. П. Павлов — первый нобелевский лауреат России»¹¹.

Предварительно ознакомившись с трехтомником, Людмила Алексеевна упомянула, закрывая митинг, что издание отражает целую историческую эпоху российской физиологии, центральной фигурой которой был наш питомец, универсальнт, живший, кстати, на первом этаже Двенадцати коллегий рядом с Д. И. Менделеевым и даже не случайно был похоронен рядом на Литераторских мостках — Иван Петрович Павлов. Книга — это тоже памятник, но более доступного рода, она, наверное, поступила уже в БАН. И тут же мгновенный ответ директора библиотеки профессора В. П. Леонова: «Стоит на выставке новых поступлений. Превосходное издание. Милости прошу».

---

¹¹ А. Д. Ноздрачев, Е. Л. Поляков, К. Н. Зеленин, Э. А. Космачевская, Л. И. Громова. СПб.: Изд-во Гуманистика, 2004, в трех томах: Т. 1 — Нобелевская эпопея Павлова (528 с.); Т. 2. Павлов без ретуши: мемуары С. В. Павловой, А. Ф. Павлова, М. К. Петровой (816 с.); Т. 3. Ученики и последователи Павлова (544 с.)

Заранее предстоящему историческому событию Российская академия наук, Санкт-Петербургский университет, власти города решили 23–25 ноября посвятить специальную научную сессию. Организационный комитет возглавил президент РАН Ю. С. Осипов, в состав комитета вошли: губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко, ректор СПбГУ Л. А. Вербицкая, нобелевские лауреаты Ж. И. Алферов, В. А. Гинзбург и др. Торжественное заседание решено было провести в Таврическом дворце, так как именно здесь 9 августа 1935 года звучал голос великого физиолога Павлова при открытии им XV Международного физиологического конгресса. Это был первый в России научный конгресс всемирного уровня.

О своем желании участвовать в работе предстоящей научной сессии заявили государства всех континентов планеты — США, Великобритания, Франция, Польша, Германия, Япония, Китай, Индия и т. д. Сессия прошла весьма успешно, и все желающие имели возможность увидеть также и новый памятник великому ученому. Всем им здорово повезло, будет что рассказать потомкам.

Жизнь Л. А. Вербицкой — это замечательный пример стойкости духа для нынешнего поколения ученых, особенно наделенных административными полномочиями. Ее многочисленные примеры показывают, что в самых сложнейших обстоятельствах можно и следует сохранять свое человеческое достоинство и не прогибаться каждый раз вместе с изменением «генеральной линии».

Быть ректором университета на рубеже смены исторических эпох государства (1991), сохранив при этом в университете уровень и качество высшего образования России на современ-

ном, всемирно известном и признанном уровне, соответственно, статусе — дело далеко не простое. Природа щедро наделила, а Людмила Алексеевна Вербицкая в свою очередь столь же разумно воплотила в реальной далеко не простой жизни этот генетический подарок.

Ученый, декан, ректор, президент: Воспоминания о Л.А.Вербицкой.
Вып. 1 / сост. А.Х. Даудов. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. —
128 с.
ISBN978-5-288-06071-7

Научно-популярное издание

УЧЕНЫЙ, ДЕКАН, РЕКТОР, ПРЕЗИДЕНТ

ВОСПОМИНАНИЯ О Л. А. ВЕРБИЦКОЙ

Выпуск 1

Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Обложка *Е. Р. Куныгина*

Подписано в печать 17.11.2020. Формат 70×84 ¹/₁₆.
Печ. л. 8. Тираж 500 экз. Print-on-Demand. Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.
Тел./факс +7(812)328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.